

СЕМІНАРІЙ

ПО

ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Проф. И. И. Замотинъ).

Рефераты по изученію біографіи М. Ю. Лермонтова и его произведеній.

1911-12 акад. годъ.

ВАРШАВА.

Типо-литографія Т-ва Б. А. БУНАТЫ, Вспульная 46.

С Е М И Н А Р И Й

ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

/ проф. И. И. З а м с т и н ъ /

РЕФЕРАТЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ БИОГРАФИИ
ДЕРМОНТОВА И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ.

1911/12 акад. годъ.

Лит. Б.А.Букаты, Восточная 46.

A360067

Ал. Скафтымовъ,
студ. III курса.

ОТГОЛОСКИ МОТИВОВЪ ЛЕРМОНТОВСКОЙ ПОЭЗИИ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ДОСТОЕВСКАГО.

/ Конспект /

I.

ВОПРОСЪ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Вопросъ о связи творчества Лермонтова и Достоевскаго почти не затрагивался. Кое-что сдѣлано въ этомъ направленіи В.В. Розановымъ /"Вѣчно - печальная дуэль"/. Онъ считаетъ Лермонтова родоначальникомъ послѣдующаго русскаго литературнаго творчества /Толстой, Достоевскій - главнымъ образомъ/. Пункты связи указаны очень обще и неясно. Убѣдительность ихъ незначительна. Д.С. Мережковскій отмѣтилъ общность въ настроеніи Лермонтовскихъ демоническихъ героевъ - съ одной стороны и злобныхъ, бунтующихъ типовъ Достоевскаго - съ другой. - Связь идей Лермонтова и Достоевскаго явствуется изъ факта ихъ обоюднаго сопоставленія съ Ницше.

II.

ОБЩНОСТЬ ДУХОВНОЙ ОРГАНИЗАЦІИ ЛЕРМОНТОВА И ДОСТОЕВСКАГО ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ СВОЕМУ "Я" И ВЫСШЕЙ БОЛѢ.

Существуетъ два типа людей: смиреніе и

гордке. Первые характеризуются подчиненіемъ своей воли другой волѣ - высшей, сильнѣйшей. Вторые наоборотъ, упорно отстаиваютъ свою самостоятельность и права. - Лермонтовъ и Достоевскій принадлежать къ вторымъ.

III.

ТВОРЧЕСТВО ЛЕРМОНТОВА.

1. Интересъ къ личности, какъ основной пунктъ въ міроощеніи поэта.

"Эгоцентризмъ" писательской дѣятельности Лермонтова имѣетъ психологическое основаніе въ усиленномъ самоощеніи и самооцѣнкѣ.

2. Потребность самоутвержденія во внѣ.

Сильное непосредственное убѣжденіе въ своей значительности обусловливало /психологически/ старанія поэта занять видное мѣсто въ обществѣ. - Свидѣтельства къ этому: письма Лермонтова къ С.А. Бахметевой, А.М. Верещагиной и Лопухиной. - Тотъ же мотивъ - самолюбивая жажда значительности - обнаруживается и въ отношеніяхъ поэта къ міру въ его цѣломъ. Заботы и безпокойство о будущемъ тоже не что иное, какъ опасенія за свое величіе.

3. Вопросъ о смыслѣ жизни.

Вѣчныя проблемы для великаго самолюбца имѣли особенный, живой интересъ. - Смерть гро-

зить полнымъ ничтожествомъ - это рѣзко противорѣчило органической самоувѣренности и жадѣ великаго собственнаго значенія. Поэтому поэтъ ищетъ безсмертія. - Въ исканіяхъ жизненнаго смысла поэтъ то приходилъ въ отчаяніе, пророчилъ полное ничтожество всему міру, то загорался надеждой на лучшій, болѣе утѣшительный исходъ.

Пробудившееся мышленіе - скепсисъ - не давало ему покоя, постоянно тревожило душу поэта. - Среди всевозможныхъ рѣшеній поэтъ останавливался и на идеѣ всеисчерпывающаго счастья. Жизнь для меня, для моего счастья. Но гдѣ оно? Я многого хочу, и хотѣнія мои равнообразны до противорѣчій. Поэтъ, анализируя себя, ищетъ указанія пути жизни въ велѣніяхъ собственной интуиціи.

4. Двойственность интуиціи.

Интуитивныя показанія раздваиваются.

Съ одной стороны поэтъ ищетъ чего - то "чудеснаго", сверхъземного, любовно завидуешь звѣздамъ прекраснымъ, съ другой - его влекутъ страсти, желанія земныхъ наслажденій, склонность къ пороку. Сознаніемъ своимъ онъ иногда оказывается на сторонѣ неба, осуждаетъ, высказываетъ недовольство по поводу явнаго тяготѣнія къ землѣ, но не рѣдко открыто, не смущаясь, заявляетъ о преимуществахъ земныхъ благъ. - Въ области добра и зла

Лермонтовъ двоится. Онъ можетъ наслаждаться и зломъ и добромъ. Свидѣтельства къ этому имѣются и въ письмахъ самого поэта, и въ біографическихъ характеристикахъ, и въ самомъ творествѣ. Двойственность простирается въ отношеніяхъ поэта къ Богу. Онъ - то бунтовщикъ, протестантъ, то тихій, нѣжный, успокоенный молитвенникъ. Последняя черта наиболѣе сильно обнаружилась въ концѣ жизни поэта.

5. Настроеніе въ послѣдніе годы

Въ послѣдніе годы поэтъ наиболѣе сердеченъ и миренъ. Эта сердечность проникаетъ все творчество этого времени. Къ людямъ теперь поэтъ относится гораздо мягче и внимательнѣе, чѣмъ прежде.

6. Резюме:

1. Творчество Лермонтова даетъ намъ пречувствованную трагедію личности человѣческой въ ея столкновеніи съ міровыми противорѣчіями /жизнь и смерть; правда и отсутствіе смысла въ жизни; свобода и подневольный міръ/.

2. Обнаруживаетъ наличность двухъ противоположныхъ стихій въ человѣческой интуиціи /земное и неземное; доброе и злое; ^{мистическое} ~~женское~~ и ^{натуральное} ~~женское~~ - любящее; бунтующее и молящееся/.

ТВОРЧЕСТВО ДОСТОЕВСКАГО.

I. Предисловіе.

Настоящій очеркъ творчества Достоевскаго вскрываетъ только основныя идеи его. Освѣщеніе сдѣлано безъ всякихъ умышленныхъ перетолкованій. Свидѣтельство къ этому: ссылка на изслѣдованія Мережковскаго, Розанова, Шестова, Волжскаго.

2. Немного личной характеристики Ф. М. Достоевскаго.

Чувство собственной личности у Достоевскаго было очень сильно. Развитію и обнаруженію этого препятствовали духъ и условія семьи и школы. Не разъ однако Достоевскій констатировалъ свою гордость, мечты о славѣ и сильное самоуваженіе.

3. Человѣкъ въ человѣчествѣ.

Первоначальная постановка вопроса о трагедіи личности у Лермонтова и у Достоевскаго была различна. Причина этого: разница ихъ семейнаго и общественнаго положенія. Достоевскому пришлось больно столкнуться съ обидой отъ человѣчества. Лермонтова это почти не коснулось. Достоевскій прежде всего вочію принужденъ былъ убѣдиться, что труды и страданія человѣческія

не имѣють справедливаго соотвѣтствія въ его бла-
гахъ. Сначала Достоевскій рѣшилъ, что это проис-
ходитъ отъ несправедливаго отношенія людей другъ
къ другу; одинъ другого обижаетъ. Но на этомъ
рѣшеніи онъ ^{не} ~~и~~ остановился, призналъ, что причи-
ны бѣдствій человѣческихъ не исчерпываются въ
самомъ ~~человѣчествѣ~~, идутъ глубже и дальше - въ
общую организацію мірового устройства. Уже Ма-
каръ Алексѣевичъ Дѣвушкинъ перенесъ свои горкія
недоумѣнія о счастьѣ и о страданіяхъ человѣчес-
кихъ въ міровую, тайную, непонятную сферу
загадокъ. Здѣсь начало карамазовскаго "бунта".

4. Человѣкъ въ ~~человѣчествѣ~~ /продолженіе/..

Человѣкъ Достоевскаго сильно нуждается
въ людскомъ сочувствіи. Благопріятное мнѣніе
окужающихъ они очень цѣнятъ. Психологическое
основаніе этого факта то же, что и у Лермонтова:
жажда самоутвержденія обусловливаетъ чуткость
личности къ мнѣнію. Примѣры: самолюбіе и тщесла-
віе подпольнаго ~~человѣка~~: случай съ офицеромъ,
товарищескій обѣдъ и инцидентъ съ Лизой; сла-
болюбивыя мечтанія героя подполья; Раскольниковъ -
сознательный индивидуалистъ - тяготѣетъ къ со-
чувствію; желаніе пострадать Мити Карамазова
при "сторожевскомъ тыканьи" не уничтожаетъ ~~вскор-
сительнаго чувства~~ *оскорбленія*

5. Человѣкъ въ мірѣ.

Трагедія личности.- Человѣкъ устроенъ съ сознаниемъ собственной воли и свободы. Законы природы нарушаютъ это сознание. Жизнь міра идетъ по установленнымъ мертвымъ законамъ и ничто не можетъ предотвратить ^{протидействіе} ~~ихъ~~ ^{ихъ} дѣйствіе. Сознание этой невозможности, бессилія человѣческой воли предъ волей законовъ, создаетъ трагедію личности. Вѣдь своеволие - главная цѣнность личности. Подпольный человѣкъ объ этомъ. "Самая выгодная выгода" - своевольный капризъ.- Но факты жизни настойчиво опровергаютъ сознание личной свободы человѣка: какое - же тутъ своеволие, когда человѣкъ вынуждается къ бытію, живетъ и умираетъ безъ всякаго участія своего хотѣнія. - Гдѣ же смыслъ такихъ нелѣпыхъ противорѣчій? - Давно уже предлагаютъ разрѣшеніе вопросовъ о смыслѣ въ идеѣ грядущей міровой гармоніи. Но въ этомъ не можетъ быть утѣшенія человѣку. Личность самоцѣнна: права ея и хотѣнія исходятъ не изъ внѣшнихъ какихъ либо источниковъ иображеній /польза, на примѣръ/, но ^{изъ} на самой ея сущности. - Свидѣтельства къ этому: разсужденія Подростка, самоубійцы изъ Приговора, Ивана Кармазова и др.

6. Человѣкъ въ мірѣ - Трагедія личности.

/продолженіе/.

Смерть - оскорбительное насиліе надъ чело-

вѣкомъ; сознаніе ея неизбѣжности исключаетъ возможность счастья человѣка. - Свидѣтельства: разсужденія самоубійцы и др.; ужасъ смерти у героя Достоевскаго. -

Слѣпая воля къ жизни - еще одно изъ роковыхъ, непобѣдимыхъ униженій; она, наряду съ фактами рожденія и смерти, нарушаетъ чувство свободы человѣка. Самоубійство Кириллова - протестъ противъ насилія животной жажды жизни.

7. Идея безсмертія души и всемогущаго Бога единственно возможное успокоеніе обижаемой личности.

Видимая, земная жизнь безмысленна и обидна. Но существуетъ, другая, потусторонняя жизнь - "міры иные", гдѣ человѣкъ вполне будетъ утѣшенъ и удовлетворенъ. Если теперь нарушается и оскорбляется понятіе о самоцѣнности личности, то это будетъ искуплено и забыто. Богъ всемогущъ - Онъ исцѣлитъ неисцѣлимое. Вѣрь, человѣкъ, смирись, отдайся Богу.

8. Вѣрилъ ли Достоевскій?

Жажда вѣры еще не свидѣтельствуетъ о ея наличности. Достоевскій желалъ, искалъ вѣры, но непобѣдимый скепсисъ всегда вмѣшивался и не давалъ желаемаго успокоенія. Свидѣтельства: Кирилловъ, Старецъ Зосима, Алеша, Христосъ на картинѣ Ганса Гольбейна, Свидригайловъ о вѣч-

ности.

9. Добро и Зло.

Двѣ струи: Божія - тихая, кроткая, смиренная; дѣвольская - злая, эгоистическая, бунтующая. - Божію струю олицетворяють кроткіе люди: старецъ Зосима, Соня Мармеладова и др. Ихъ мораль - смиреніе, покорность, дѣятельная самоотверженная любовь. - Стихія діавола выдвигаетъ, принципъ личнаго эгоизма. Часто и настойчиво Достоевскій высказываетъ мысль объ органической невозможности любви къ ближнему /Подп. чловѣкъ Версильовъ, Раскольниковъ, Подростокъ, самоубійца изъ Приговора, Иванъ Кармазовъ и др./. Чловѣкъ золь, эгоистичень, склонень ко всякой низости. Альтруизмъ - это маска, которую чловѣкъ носитъ, только напоказъ, потому что, альтруистическія чувства и поступки угодны и нравятся людямъ, поощряются ими, какъ подвигъ. - Совѣсть-критерій нравственности несостоятельный. Она условно можетъ быть иногда и на сторонѣ зла. Да и вообще едва ли есть какіе либо безусловные нравственные императивы. Своевольная личность, во всякомъ случаѣ, отказывается отъ нихъ, не можетъ ихъ терпѣть, вслѣдствіе предполагаемой въ нихъ принудительности.

II. Общее заключеніе о раздвоеніи Достоев-

скаго.- Лермонтовъ и Достоевскій - носители двухъ противоположныхъ правдъ.

У.

Замѣчаніе - post scriptum.

Сдѣланный очеркъ не исчерпываетъ всѣхъ мотивовъ общихъ Лермонтову и Достоевскому. Есть еще и другія, болѣе мелкія черты, которые необходимо должны имѣть мѣсто въ болѣе подробномъ разсмотрѣніи /напр., мотивъ одиночества, грусти и др./.

УІ.

Вмѣсто примѣчаній.

Немного изъ критики по затронутымъ вопросамъ: о личности Лермонтова, о раздвоеніи Лермонтова, о Достоевскомъ.

УІІ.

Источники и пособія.

Бѣлороссовъ Константинъ
студ.-фил. III курса.

ПЕССИМИЗМЪ ЛЕРМОНТОВА И ЕГО ИСТОЧНИКИ.

Оттѣнокъ грусти, какъ національной черты русской литературы былъ отмѣченъ Пушкинымъ:

"Печалію согрѣта гармонія и нашихъ музъ
и нашихъ дѣвъ;

Отъ мужика до перваго поэта мы всѣ поемъ
уныло".....

Такъ пѣлъ самъ Пушкинъ, а съ нимъ вмѣстѣ вереница другихъ поэтовъ и писателей разныхъ направленій и школъ. Поэзія М.Ю.Лермонтова лишній разъ подтвердила психологическую наблюдательность и правдивость словъ Пушкина. Прочитаешь десятокъ другой стиховъ Лермонтова и самому какъ - то грустно и тяжело станетъ. Почти всѣ его стихотворенія проникнуты безысходной тоской. Пессимизмъ разлитъ во всей его поэзіи. Импровизируетъ ли поэтъ наединѣ, рисуетъ ли пейзажъ или героя, - все дышетъ пессимизмомъ.

По своей силѣ и жалчности Лермонтовскій пессимизмъ отличается отъ подобнаго настроенія другихъ писателей и поэтовъ. Последнее едва ли даже можно назвать пессимизмомъ, какъ постояннымъ міровоззрѣніемъ. Это грустный,

но задушевный плачь несбывшимся мечтамъ и утраченными идеаламъ. Далѣе, оно часто лишь оттѣнокъ въ произведеніи, едва уловимый или просто выводъ читателя и, наконецъ, часто грусть соединена со свѣтлымъ взглядомъ на міръ, и смиряется надеждой и оптимизмомъ. Лермонтовскій пессимизмъ поражаетъ своей силой и желчностью. Его "желѣзный" стихъ облитъ горечью и злостью. Это не жалостный плачь объ утратѣ, а какое-то озлобленное презрѣніе ко всему. Его "Демонъ" суровъ:

"Собранье золь его стихія.

Носясь межъ темныхъ облаковъ,

Онъ любитъ бури роковыя,

И пѣну рѣкъ и шумъ дубравъ.

Онъ любитъ пасмурныя ночи,

Туманы, блѣдную луну

Улыбки горькія и очи,

Безвѣстныя слезамъ и сну. /Мой демонъ/.

Таковъ въ общемъ и Лермонтовскій пессимизмъ.

"Первый пессимизмъ - говоритъ С. Андреевскій - есть пессимизмъ безсильнаго унынія, а второй Лермонтовскій пессимизмъ силы, гордости, пессимизмъ божественнаго величія духа" ж/.

ж/ С.А. Андреевскій "Литературные очерки"
стр. 227.

Пессимизмъ Лермонтова отличается и по силѣ своей. Онъ прямо бьетъ въ глаза, доходитъ до приторности. Его "холодная и нѣмая" тоска невольно сказывается даже въ языкѣ его лирическихъ произведеній и поэмъ, начиная съ юношескихъ. Отдѣльные термины и эпитеты, какіе срываются съ языка поэта, полны грусти и мрачнаго колорита. Напр. "грустныя мечты сидятъ задумавшись" /Цѣвница 1829 г./ "томный свѣтъ" /Къ генію/, "предсмертное страданіе" /Письмо/, "въ очахъ твоихъ, печальныхъ" /ibid /, "при пѣсняхъ погребальныхъ" "часъ ужасный" /Первая любовь/, "Душа моя мятежная", "ночь угрюмая" /Свиданіе 41/, "часовня могильная" /ibid /, и т.д. Возьмемъ цѣлыя фразы они такъ же мрачны: "Смотрѣлъ я на тебя съ обычною печалью" /Къ генію 29 г./ Сидитъ унылъ и мраченъ онъ" /Мой демонъ/. "И скучно и грустно", "я не плачу, я томимъ тоской, я умереть желаю съ ними" /Ты помнишь ли 1841 г./ "мулла жестокий" /Каллы/, Кавказъ, суровый царь земли" /Аулъ Бастунджи/. Можно выписать множество подобныхъ характеристикъ, фразъ и словъ изъ различныхъ стихотвореній. Интересно также, что среди картинъ природы Лермонтовъ очень рѣдко рисуетъ живое, веселое утро, иль ясный день. Почти

всюду у него вечеръ или ночь, нерѣдко еще тем-
ная съ облаками.

"Ужъ солнце въ горахъ исчезаетъ"
/нач. "Черкасы"/

"Люблю, друзья, когда за рѣчкой
гаснетъ день" /Памя./

-:-:-:-

"Люблю я цѣли синихъ горъ,
Когда, какъ южный метеоръ,
Ярка безъ свѣта и красна
Всплываетъ изъ за нихъ луна." /1830 г./

- " " " -

"По небу полуночи ангелъ летѣлъ" /Ангелъ/.

"Ночь тиха" /Выхожу я одинъ на дорогу/.

"Тиха и прозрачна ночь была,

Свѣтила на небѣ блистали,

Луна за облакомъ спала" /Изм - Бой XXI/.

Мережковскій мѣтко называлъ Лермонтова "ноч-
нымъ свѣтиломъ русской поэзіи" и/ Напрасно
мы станемъ искать среди героевъ Лермонтова спо-
койныхъ и уравновѣженныхъ натуръ. Предъ нами
то Мцыри "безмолвенъ одинокъ"

"томимъ неясною тоской"

"По сторонѣ своей родной",

и/ Мережковскій "М.Ю. Лермонтовъ". стр. 6:

Какъ барсъ пустынный золь и дикъ" или "печальный Демонъ", "странный" "нравственный калѣка" раздвоенный Печоринъ, - все лица съ повышенной психологіей, страстныя, демоническія и въ то же время глубоко несчастныя трагическія натуры.

Съ снутренней стороны пессимизмъ Лермонтова какъ и всю дѣятельность его, согласно Котляревскому, можно раздѣлить на двѣ стадіи 1/ Съ начала дѣятельности до 1832 г., юношеская пора, 2/ періодъ 1832 г. до смерти поэта.

Мотивы поэзіи Лермонтова въ юношескую пору его поражаютъ необычною для мальчика серьезностью мыслей и грустнымъ колоритомъ. Такія фразы, напримѣръ, мы читаемъ:

"Повѣрь, ничтожество есть благо

въ здѣшнемъ свѣтѣ

Къ чему глубокія познанія, жажда

славы,

Талантъ и пылкая любовь свободы,

Когда мы ихъ употребить не можемъ

-:-:-:-

"И душно кажется на родинѣ,

И сердцу тяжело и душа тоскуетъ.

Это говоритъ Лермонтовъ , будучи 15 лѣтъ.

Рефер. по изуч. Лермонтова. Листъ 2-ой.

Поэтъ уже испыталъ страстную любовь и въ стихахъ слышится разочарованность въ любви, онъ считаетъ себя несчастливымъ и одинокимъ въ мірѣ: Онъ говоритъ въ письмѣ къ А.С.

Не привлекай меня красой

Мой духъ погасъ и состарѣлся.

Ахъ! много лѣтъ, какъ взглядъ другой

Въ умѣ моемъ напечатлѣлся.

А для него забылъ весь міръ,

Для сей минуты незабвенной.....

Но я теперь, какъ нищій, сиръ;

Брожу одинъ какъ отчужденный.

-:-:-

Невинный нѣжною душою,

Не зная въ юности страстей приливъ.

Ты можешь, другъ, сказать съ какой то

простотою

Я былъ счастливъ

Но я въ сей жизни скоротечной

Такъ испыталъ отчаянія порывъ,

Что не могу сказать чистосердечно

Я былъ счастливъ. /Романъ 1829 г./

Поэтъ разочарованъ ужъ и въ людяхъ и какъ бы презираетъ свѣтъ: Напримѣръ соколы говорятъ другъ другу въ стихотв. "Два сокола":

"Братецъ, братецъ, что ты видѣлъ.

Разскажи мнѣ поскорѣй

Ахъ. я свѣтъ возненавидѣлъ

И безжалостныхъ людей.

"Что-жъ ты видѣлъ тамъ худова?"

Кучу каменныхъ сердецъ и т.д.

Въ умѣ поэта уже нерѣдко мелькаетъ мысль о смерти: Напр. въ стихотв. "Письмо" 1829 г.

"Отрывокъ" 1830 г. и др. Кромѣ этого поэтъ съ грустью идеализируетъ свое дѣтство, мечтаетъ

о подвигахъ, хотя говоритъ критикъ "каждый

приливъ героическихъ чувствъ былъ неразрывно связанъ съ такимъ же наплывомъ сомнѣній". ж/

Долѣе "вопросы объ ужасахъ крѣпостного права

/ Menschen und Leidenschaften и Стран. человекъ/

объ отношеніи сословіи /Испанцы/, о пошлос-

ти, лжи и обманѣ въ супружескихъ отноше-

ніяхъ и дрянности свѣтской женщины /Два бра-

та/ занимаютъ его въ тотъ возрастъ "когда его

поэтический предшественникъ Пушкинъ не писалъ

еще почти ничего, кромѣ эротическихъ и анакреон-

тическихъ стишковъ и летучихъ эпиграммъ". X/

ж/ Н. Котляревскій "М.Ю.Л. личность поэта и его произвед." стр. 38.

X/ В. Острогорскій. Мотивы Лермонтовской поэзіи стр. 21 Р.М. 1891 г. кн. I.

Въ юношескихъ драмахъ, наконецъ, мы можемъ найти отголоски семейной распри между бабушкой и отцомъ поэта. Въ драмѣ *Menschen und Leidenschaft*. Юрій, въ кромѣ критики видятъ самого Лермонтова, говоритъ Заруцкому - "Помнишь ли ты Юрія, когда онъ былъ счастливъ, когда ни раздоры семейные ни несправедливости еще не начинали огорчать его. /Д. I явл V/ /или см. все 3 дѣйствіе /.

Въ Лермонтовѣ ужъ можно видѣть и слѣды той душевной раздвоенности, какая особенно выразилась въ "Печоринѣ". "Странно - говоритъ Котляревскій что у этого экзальтированного юноши, такъ высоко настроеннаго, не вырвалось ни одного патетическаго порыва, безъ соответствующаго пессимистическаго охлажденія. Умъ ребенка съ дѣтскихъ лѣтъ привыкалъ анализировать собственныя чувства и не позволялъ чувству овладѣвать имъ, совершенно" ж/.

Итакъ программа мотивовъ для будущей дѣятельности уже въ дѣтствѣ поэта почти намѣчена: "Въ юношескихъ стихахъ говоритъ Котляревскій - мы видимъ уже зародыши всей дальнейшей литературной дѣятельности Лермонтова,

ж/ Котляревскій стр. 38.

- его героическій **пафосъ**, меланхолическую любовь, пессимистическія сомнѣнія во всемъ, чувство нравственного и умственного одиночества и преждевременной старости"х/

Можно сильно сомнѣваться въ ихъ **искренности** и продуманности, но видимо, что они близки настроенію поэта и всё грустны, пессимистичны. По характеру своему пессимизмъ юношеской поры сходенъ отчасти съ меланхоліей Жуковского. Онъ отличается задумчивостью, романтическимъ идеализмомъ и не такъ рѣзокъ.

Въ періодъ 1832 - 41 г. пессимизмъ Лермонтова принимаетъ болѣе мрачный, безотрадный характеръ и постепенно пріобрѣтаетъ нѣкую глубину, серьезность и осмысленность.

Сюжеты и мотивы почти тѣ же, но фонъ иной. Въ стихахъ больше горечи, сарказма, чувствуется большая раздражительность. Говоря о стихахъ 1832 - 37 г. Котляревскій замѣчаетъ: "Читая ихъ можно подумать, что никогда еще Лермонтовъ не находился въ такомъ отчаянномъ пессимистическомъ настроеніи, какъ въ это время.

Пессимизмъ послѣднихъ лѣтъ есть результатъ борьбы уже возмужавшаго писателя съ

х/ Котляревскій стр. 41.

довольно ясно поставленными вопросами жизни. Талантъ Лермонтова развился. Онъ пользовался въ обществѣ славой и почетомъ. Пропорціонально силѣ таланта развивалась и безотрадность пессимизма. Поэтъ оглядывается кругомъ и ни въ будущемъ ни въ прошломъ не видитъ ничего свѣтлаго и радостнаго.

Гляжу на будущность съ боязнью

Гляжу на прошлое съ тоской

И какъ преступникъ передъ казнью

Ищу кругомъ души родной

И тьмой и холодомъ объята

Душа усталая моя

Презрѣніе къ свѣту, къ людямъ выливается въ какіе то болѣзненные крики:

Какъ часто, пестрою толпою окружонъ,-

Когда предо мною, какъ будто бы сквозь сонъ,

При шумѣ музыки и пляски,

При дикомъ шепотѣ затверженныхъ рѣчей,

Мелькаютъ образы бездушные людей,

Приличіемъ стянуты маски,

О, какъ мнѣ хочется смутить веселость

И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзны^{ихъ} стихи,

Облитый горечью и злостью.

/Первое января/

Въ высшей степени художественно, съ глубокой

тоской, но безъ фразерства говорить поэтъ
о своемъ полномъ одиночествѣ:

Я бѣдный листочекъ дубовый,

До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ

суровой;

Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся

давно я,

Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна

и покоя.

Прими же пришельца средь листьевъ своихъ

изумрудныхъ -

Немало я знаю рассказовъ мудреныхъ и

чудныхъ.....

На что мнѣ тебя. отвѣчаетъ молодая чинара

Изъ устъ вырывается отчаяніе:

И скучно и грустно, и некому руку подать

Въ минуту душевной невзгоды...и т.д.

Бѣлинскій говоритъ объ этомъ стихотвореніи:

"Страшенъ этотъ глухой могильный голосъ подземнаго страданія, нездѣшной муки, этотъ потрясающій душу реквиѣмъ всѣхъ надеждъ, всѣхъ чувствъ человѣческихъ, всѣхъ обояній жизни. Отъ него содрагается человѣческая природа, стынетъ кровь въ жилахъ, и прежній свѣтлый образъ жизни предоставляется отвратительнымъ скелетомъ, крый душитъ насъ въ своихъ костяхъ."

ныхъ объятыхъ, улыбается овыми костяными
челюстями и прижимается къ устамъ нашимъ.
Это не минута духовной дисгармоніи, сер-
дечнаго отчаянія: это похоронная пѣсня всей
жизни. ж/ Поэтъ съ трагической прони-
костью проситъ себѣ смерти у Бога:

"Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ

Недолго я еще благодарилъ.

/Благодарность/.

Въ этотъ періодъ создаются его поэмы. "Ми-
ри", "Бояринъ Орша" и др. подоб., драмы "Ма-
скарадъ".

Интересно сопоставить для характери-
стики Лермонтовскаго пессимизма его воззрѣнія на
призваніе и роль поэта съ воззрѣніями Жу-
ковскаго и Пушкина, какъ видѣвшихъ поэтовъ
и его современниковъ.

Жуковскій говоритъ о себѣ:

"Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой

стезей,

Быть другомъ мирныхъ селъ, любить

красы природы,

Дышать подъ сумракомъ дубравной

тишиной,

ж/ Систематическое собр. соч. В. Г. Бѣлин-
скаго, изд. Н. Зинченко кн. IV стр. 7.

И взоръ склонивъ на пѣны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье
возспѣвать". /Вечерь/

Поэзія для него -

"Чудесный даръ Боговъ", "пламенныхъ сердце
веселье и любовь", "прелесть тихая, души
очарованіе". /Къ поэзіи/. Пушкинъ говоритъ
про поэта, что "онъ рожденъ для вдохновенія,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ". Для него
поэтъ или жрецъ искусства или пророкъ,
крій долженъ "глаголомъ жечь сердца людей".
Идеаль Лермонтовскаго поэта

"воспламенять бойца для битвы".

Поэзія для Лермонтова - кинжалъ.

"Твой стихъ - говоритъ онъ - какъ Божій
духъ носился надъ толпой,

И, отзывъ мыслей благородныхъ

Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,

Обращаясь къ поэту онъ говоритъ:

"Проснешься-ль ты опять, осмѣянный

пророкъ.

Иль золотыхъ ножекъ не вырвешь

свой клинокъ,

Покрытый ржавчиной презрѣнія. /Поэтъ/

Характерны по своимъ окончаніямъ два стихотворенія: "Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ" Пушки-

на и "Выхожу одинъ я на дорогу" Лермонтова. Въ обоихъ стихотвореніяхъ одинаковы мечты и пессимистическое настроеніе, но какъ различны они по своимъ окончаніямъ.

"Но пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа красю вѣчною
сіять".

Съ такимъ смиреніемъ предъ непреклонностью вѣчнаго закона, съ спокойной вѣрой въ прогрессъ, съ любовью къ молодой жизни и къ людямъ заканчиваетъ Пушкинъ свое стихотвореніе. Не такъ у Лермонтова:

Я ищу свободы и покоя,
Я бѣ хотѣлъ забыться и заснуть....
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы;
Я бѣ желалъ на вѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь,
Чтобъ, всю ночь, весь день мой слухъ
лелѣя
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мною чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

Эта невозможная нирвана есть лишь фантазія больного, измученнаго воображенія. Пессимизмъ

Лермонтова слѣдовательно безысходенъ. Поэту нѣтъ утѣшенія.

Лермонтовъ такъ и не пришелъ къ примиренію съ жизнью, и его пессимизмъ не разсѣялся . Что стало бы въ будущемъ съ этой бурной натурой, какіе стихи вышли бы изъ подъ его пера потомъ, остается только гадать. Неожиданная смерть стала многоточіемъ , у незаконченнаго романа и трудно сказать, чѣмъ бы послѣдній закончился похоронами или свадьбой.

Пессимизмъ Лермонтова естественно долженъ возбуждать вопросъ о причинахъ его, объ его источникахъ. И въ критикѣ давно было поднятъ этотъ вопросъ и въ частности рѣшался очень разнообразно. Рѣшеніе этого вопроса усложнялось еще тѣмъ, что натура Лермонтова была какая - то двуличная. То онъ былъ какъ ребенокъ веселъ, проказилъ съ Краевскимъ, а то ужъ задумчивъ и грозенъ, такъ что товарищи отлетали отъ него "какъ ужаленные".

Эта двойственность натуры дала поводъ заподозрить въ искренности его пессимизма.

Шанъ - Гирей въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ про него: "Онъ былъ характера скорѣе веселаго, любилъ общество, особенно женское, въ которомъ почти выросъ и которому нравился

живостью своего остроумія и склонности къ эпиграммѣ; часто посѣщалъ театр, балы, маскарады; въ жизни не зналъ никакихъ лишеній, ни неудачъ; бабушка въ немъ души не заняла и никогда ни въ чемъ ему не отказывала; родные и короткіе знакомые носили его такъ сказать на рукахъ; особенно чувствительныхъ утратъ онъ не терпѣлъ; откуда же такая мрачность, такая безнадежность. Не была ли это скорѣе драпировка, чтобы казаться интереснѣе, такъ какъ байронизмъ и разочарованіе были въ то время въ сильномъ ходу, или маска, чтобы морочить обворожительныхъ московскихъ львицъ". ж/.

Но подобный отвѣтъ можетъ быть примѣнимъ только къ стихотвореніямъ юношеской поры. Для объясненія всей поэзіи онъ слишкомъ простъ и наивенъ. Вопросъ несомнѣнно гораздо глубже и нужно было болѣе вдумчиво разобратся въ его поэзіи и поведеніи, чтобы дать болѣе обстоятельный отвѣтъ.

Долгое время критика смотрѣла на пессимизмъ Лермонтова, какъ слѣдствіе трехъ при-

ж/ Русское Обозрѣн. 1890 г. стр. 728 /см. и восп. Хвостовой/.

чинъ: 1/ исключительной натуры поэта, 2/ историческаго момента въ жизни русскаго общества, совпавшаго съ его поэтической дѣятельностью и 3/ особыхъ условій домашней обстановки, воспитанія и образованія ж/. При этомъ одни критики брали всѣ эти причины въ суммѣ/Острогорскій, или же отдавали преимущественное значеніе той или другой изъ нихъ.

Такъ П. Галаховъ говоритъ о "Парусѣ": Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить душевнаго настроенія, выраженнаго въ этихъ стихахъ, кромѣ врожденной склонности къ тревогѣ. Обстоятельства жизни совершенно благопріятны: и золотые лучи солнца и свѣтло - лазурныя воды. Обвинять ихъ нѣтъ никакого повода. Нельзя также думать, что, по естественной склонности нашего сердца, поэтъ недоволенъ тѣмъ что и стремится къ большому, лучшему: "онъ счастья не ищетъ". Но отсюда, однако, не слѣдуетъ, что счастье найдено: "онъ не отъ счастья бѣжитъ". Онъ самъ не даетъ себѣ отчета, зачѣмъ бросилъ родину и направился въ далекій край. Положительныя тому причины имъ не указываются.

Причина одна - природа. Мятенно - рожденный п

ж/ В. Острогорскій. Р.М. 1891 г. кн. I стр. 4.

просить бури, потому что въ него вложенъ инстинктъ мятежа, и ему необходима непогода жизни; - грозы и бури" и/.

Другой критикъ Ан. Григорьевъ говоря о настроеніи Арбенина, Мцыри и Арсенія, замѣчаетъ:

"Пояснить возможность такого настроенія души поэта не можетъ, кажется, мнѣ одно вліяніе музы Байрона. Положимъ, что Лара, Манфредъ обаяніемъ своей поэзіи такъ сказать подкрѣпили, оправдали тревожныя требованія души поэта, но самые элементы такого настроенія могли зародиться только или подъ гнетомъ обстановки, сдавливающей страстные порывы Мцыри и Арсенія, или на дикомъ просторѣ разгула и неистоваго произвола страстей, на которомъ возросли впечатлѣнія Арбенина" X/.

Въ исторіи критики, начиная съ Бѣлинскаго развились два направленія или двѣ точки зрѣнія на творчество Лермонтова и въ частности на источники пессимизма. Одна общественно-историческая, другая философская. Представителями первой являются Спасовичъ, Михайловскій, Овсянико - Куликовскій, Иванов

ж/ Сборн. Зелинского ч. 2 стр. 148.

X/ тамъ же стр. 153 - 54.

Разумникъ и др. представителями второй Андреевскій и Мережковскій.

Спасовичъ такъ говоритъ объ источникахъ пессимизма: "Лермонтовъ былъ несомѣнно чело-вѣкъ безпочвенный, разобщенный со средой, что и служило причиною его тоски и пессимизма." Въ другомъ мѣстѣ: "Необходимымъ послѣдствіемъ неловкости, неспособности отыскать въ обществѣ свой нѣстокъ, чтобы на немъ утѣстися, было тоскливое, меланхолическое настроеніе, сдѣлавшееся привычнымъ. /Тоска какъ безконечный геній 32 /. Отъ такой тоски и отрицательнаго отноше-нія къ людямъ одинъ шагъ до пессимизма. Лермонтовъ сдѣлался пессимистомъ, пессимизмъ сталъ его второю натурою" и/ Почти то же говоритъ и Михайловскій по поводу вопроса: "...вся жизнь его /Лермонтова/ протекла въ условіяхъ, совершенно неблагопріятныхъ для пріисканія дѣятельности, сколько-нибудь достойной, за исключе-ніемъ, разумѣется, поэзіи, въ которую онъ и вкладывалъ свою уязвленную душу. Отсюда мрачные мотивы и мрачный тонъ этой поэзіи. Въ придачу къ тяжкимъ впечатлѣніямъ дѣтства, быть можетъ

и/ "Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова". В.Е.
1888 г. кн.4 II том.

и преувеличеннымъ пылкостью воображенія и болѣзненной чуткостью поэта, въ пору сознательной жизни явилось еще нѣчто въ родѣ мукъ Прометея, у котораго печень вновь вырастаетъ по мѣрѣ того, какъ ее клѣветъ коршунъ. Мы видѣли, что даже въ юнкерской школѣ, среди веселаго разгула и непристойныхъ упражненій въ поэзіи Лермонтова внутренне угрызался и тосковалъ. И такъ было всю жизнь" ж/.

Овсянико - Куликовскій разбирая типъ Печорина, видитъ въ немъ извѣстный моментъ въ развитіи личности самого Лермонтова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и моментъ въ развитіи общественно - психологическомъ. Разочарованіе и тоску Печорина - Лермонтова рассматриваетъ какъ "меду" или своего рода "порокъ" или "несчастіе". Х/. Свой разборъ почтенный ученый заключаетъ слѣдующими словами: "Мучительно и трудно было въ ту эпоху русскому мыслящему человѣку отрывать отъ "непосредственности", перерастать, умственно и нравственно, тотъ уровень, на которомъ стояло огромное большинство общества. Выходя изъ этой непосред-

ж/ "Герой безвременья" т.У стр. 347 - 48.

Х/ Исторія русской интел. ч. I стр. II9.

ственности, человекъ оказывался одинокимъ чуждымъ всему, "лишнимъ". Въ особенности тягостнымъ было это для тѣхъ, кто ~~нико~~ чувствовалъ необходимость общественныхъ связей, кто стремился къ осуществленію своей общественной стоимости. Муки душевнаго одиночества толкали людей, оторвавшихся отъ непосредственности къ искусственному и непрочному "примиренію" съ действительностью, о которомъ можно сказать, вопреки поговоркѣ, что такой плохой миръ гораздо хуже хорошей ссоры. "Сбора" съ действительностью для людей, умственно и нравственно незаурядныхъ была въ концѣ концовъ неизбежна. Все это, и первый выходъ изъ непосредственности и неудачныя попытки примиренія, и самая "ссора", и сопряженная со всѣмъ этимъ внутренняя борьба, муки одиночества и т.д., - все это не могло не отражаться на душевномъ здоровьѣ или по крайней мѣрѣ, равновѣсіи человека, откуда извѣстныя отклоненія отъ нормы, повѣшенное самочувствіе, эгоцентризмъ, равночарованность, хандра и многое другое - болѣе или менѣе патологическое, частью - только въ социальномъ смыслѣ, частью же и въ психологическомъ" *//.

к/ тамъ же стр. 141 - 42.

Рефер. по изуч. Лермонтова. Листъ 3-й.

Новѣйшій изслѣдователь Ивановъ - Разумникъ разсматриваетъ Лермонтова какъ борца съ мѣщанствомъ, пошлостью русской общественной жизни. "Лермонтовъ - говоритъ онъ - подобно Чехову задыхался въ атмосферѣ мѣщанства жизни но въ то же время онъ вѣрилъ, что сама по себѣ жизнь м.б. прекрасной даже не черезъ триста лѣтъ, а въ настоящее время. Она м.б. прекрасной - и является большей частію мѣщанской; что за трагическое противорѣчіе? Въ немъ лежитъ источникъ пессимизма Лермонтова, его мизантропія, его ненависть къ жизни, какъ проявленію мѣщанства". Кроме этого была причина, края усиливала пессимизмъ: это внутреннее раздвоеніе между непосредственнымъ психологическимъ типомъ и созданнымъ міровоззрѣніемъ. Въ душѣ все время порывался въ какой-то чудный, фантастическій міръ поэтъ въ то же время подъ вліяніемъ созданнаго міровоззрѣнія осмѣивалъ: "страсть къ воздушнымъ бреднямъ и мистицизму ж/.

Представитель другой теоріи С. Андреев-

ж/ Ивановъ - Разумникъ. Исторія русской обществен. мысли. стр. 160.

скій говорить: "Исключительная способность Лермонтова состояла въ томъ, что въ немъ соединилось глубокое пониманіе жизни съ громаднымъ тяготѣніемъ къ сверхчувственному міру". Отсюда онъ выводитъ причину Лермонтовскаго пессимизма: "Сожительство въ Л. безсмертнаго и смертнаго человѣка составляло всю горечь его существованія, обусловило весь драматизмъ, всю привлекательность глубины и ѣдкость его поэзіи".

Мережковскій говоритъ: "Источники Л-скаго бунта - не эмпирическій, а метафизическій. Чувство незапамятной давности, древности - "вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый" - воспоминаніе земного прошлаго сливается у него съ воспоминаніемъ прошлой вѣчности, таинственные сумерки дѣтства съ еще болѣе таинственнымъ всполохомъ иного бытія, того, что было до рожденія". ж/ И Лермонтовъ тоскуетъ объ этомъ прошломъ. Онъ старается забыть о томъ что было до рожденія и не можетъ. "На днѣ всѣхъ эмпирическихъ мукъ его - это метафизическая мука - неутоимая жажда забвенія:

ж/ Мережковскій стр. 30.

"Спасись отъ думы неизбѣжной

И незабвенное забыть. ж/.

Синтезъ вышеприведенныхъ мнѣній находится въ трудѣ наиболѣе детальнаго изслѣдователя Л - ской поэзіи Н.Котляревскаго "М.Ю.Лермонтовъ, личность поэта и его произведенія".

Котляревскій не отрицая вліянія на пессимизмъ Лермонтова семейной обстановки и общественной жизни настаиваетъ что "главный источникъ Лермонтовскаго настроенія, какъ намъ кажется, заключается въ самомъ темпераментѣ поэта, который данъ былъ ему природой, предрасполагалъ его къ ощущеніямъ извѣстнаго порядка, обрегалъ отъ другихъ и коренился въ длинномъ рядѣ физическихъ и нравственныхъ причинъ, которыя никто не уловить и не объяснить. Природа создала Лермонтова по существу меланхоликомъ и фантазеромъ и наша задача прослѣдить, какъ на этотъ основной сѣрый тонъ ложились временами болѣе темныя или болѣе свѣтлыя краски согласно съ внутреннимъ его развитіемъ и внѣшней обстановкой въ которой онъ жилъ". X/ Ребенкомъ Лермонтовъ былъ

ж/ Мережковскій стр. 30.

X/ Котляревскій стр. 32.

чувствительнымъ, съ нѣжной организаціей, съ острымъ умомъ. Воспитаніе лишь увеличивало чувствительность и развивало фантазію. Жизнь въ деревнѣ, въ маленькомъ семейномъ кругу среди маленькихъ интересовъ, въ постоянной дружбѣ съ книгой вмѣсто живого человѣка развили у юнаго поэта мечтательность за счетъ житейскаго опыта, научили жить въ мірѣ мысли, фантазіи вмѣсто міра дѣйствительнаго. Поэтъ приучился житейскій опытъ восполнять мечтой, рѣшать воспринятныя ощущенія и принимать противорѣчія дѣйствительности однимъ разумомъ вообще привыкъ слишкомъ много задумать. "Эта способность - говоритъ Котляревакій - оказала свое гибельное вліяніе на развитіе Лермонтовскаго пессимизма. ж/ Раздумье всегда наводитъ грусть, "Меланхолическій темпераментъ, однообразная и огражденная почти со всѣхъ сторонъ жизнь, раннее усиленное чтеніе, попытка привести это чтеніе въ связь съ тѣмъ, что удалось испытать на дѣлѣ, и сильная склонность къ рефлексіи, - вотъ причины, искажившія въ юношѣ и ребенкѣ естественное міровоззрѣніе и замѣнившія его міровоззрѣніемъ, скорбнымъ не по лѣтамъ" ж/.

ж/ тамъ же, стр. 34.

Позволимъ себѣ къ справедливымъ словамъ Котляревскаго прибавить нѣсколько примѣровъ изъ произведеній Лермонтова, подтверждающихъ эти слова . Поэтъ говоритъ:

"Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной
И образовъ иныхъ существованіе,
И цѣпью ихъ связалъ между собой;
Я далъ имъ видъ, но не далъ имъ
названія;

Вокругъ зимнихъ бурь раздался грозный
вой,

И рушилось невѣрное созданье....

/Русская Мелод. /.

Или въ другомъ стихотвореніи говоритъ:

"Въ ребячествѣ моемъ тоску любви знойной
Ужъ сталъ я понимать душою безпокойной;
На мягкомъ ложѣ сна, не разъ во тьмѣ
ночной,

При свѣтѣ трепетномъ лампы образной
Воображеніемъ, предчувствіемъ томимый,
Я предавалъ свой умъ мечтѣ непобѣдимой.

/Первая Любовь /

Въ его гербѣ Сашѣ Арбенинѣ /изъ второго отрывка неоконченной повѣсти/ много автобіографическаго. И про него Лермонтовъ говоритъ: "Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ

онъ уже заглядывался на закатъ , усѣянный румяными облаками, и непонятно сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку". Скоро Саша захворалъ корью, "Болезнь эта имѣла важныя послѣдствія и странное вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой".

Не будутъ ли эти стихотворенія и психологія Арбенина - Лермонтова подтвержденіемъ положенія Котляревскаго.

Далѣе Котляревскій прилагаетъ къ Лермонтову такъ сказать общественную точку зрѣнія. Когда юный мечтатель выросъ и вступилъ въ жизнь общества то явились новые вопросы. Поэтъ всю жизнь старался выяснить себѣ свое общественное положеніе., въ самомъ широкомъ смыслѣ. Вопросы религіозные и нравственные, философскіе и политическіе интересовали его всю жизнь, и онъ умеръ, не успѣвъ доработаться въ этихъ вопросахъ до какого -нибудь опредѣленнаго объединяющаго міровоззрѣнія. Ему, говоря словами другого поэта хо-

тѣлось жить такъ:

Чтобъ въ каждомъ днѣ и часѣ и мгновеніи

Тайлся въ вѣчный смыслъ, дающій право

жить /Надсонъ/

И не имѣлъ возможности. Создалась такимъ образомъ трагическая коллизія, которая напрасляла думы поэта на грустный ладъ, увеличивала страданія и неудовлетворенность его. Лермонтовъ въ этомъ отношеніи - говорить Котляревскій - былъ вполне сыномъ 19 вѣка, съ своей меланхоліей и своимъ недовольствомъ жизнью, съ разочарованіемъ и скорбью, въ которыхъ сказывалось желаніе служить высшимъ цѣлямъ и безпомощность единичнаго человѣка передъ этой высокой задачей". ж/

Такимъ образомъ пессимизмъ Лермонтова былъ отчасти болѣзнью общественнаго момента, одинъ изъ фазисовъ общественной психологіи. Каждому общественному дѣятелю, какимъ былъ и поэтъ нужно было "осмыслить свое собственное существованіе" X/ и свое отношеніе къ жизни . Нужно было или "примириться" съ жизнью или быть дѣятельнымъ борцомъ.

ж/ тамъ же стр. 5.

X/ " " стр. 6.

Съ живымъ темпераментомъ Лермонтова не возможно было примиреніе, понимаемое въ смыслѣ отказа отъ дѣятельности, покоя; къ примиренію какъ спокойной дѣятельности при сознаніи всѣхъ недостатковъ жизни у него не хватало опыта и выдержки, а для борьбы онъ былъ вовсе не годеиъ и слабъ. Лермонтовъ вмѣсто всего этого сдѣлался пессимистомъ. Въ этомъ сказалось отчасти и русское разгильдяйство и Лермонтовская психологія. Это мнѣніе подтверждаетъ и Боденштедтъ въ своей статьѣ о Лермонтовѣ: "Онъ немогъ - говорить тотъ - противостоять преслѣдовавшей его судьбѣ; но въ то же время не хотѣлъ ей покоряться. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы одолѣть ее, но и слишкомъ гордъ, чтобы позволить одолѣть себя. Вотъ причина того пылкаго негодованія, того бурнаго безпокойства во многихъ стихотвореніяхъ его, въ которыхъ отражаются какъ въ кипящемъ подъ грозю морѣ при свѣтѣ молніи - и небо и земля". ж/.

Подводя теперь итогъ вышеприведеннымъ мнѣніямъ критиковъ нужно сказать, что причины были двоякаго рода. Одни такъ сказать

внѣшнія, а другія внутреннія, психологическія. И мы постараемся установить слѣдующія причины пессимизма Лермонтова.

Первой и главной причиной была природа, меланхолическій, нервный темпераментъ, склонный притомъ къ мечтательности, къ фантазіи. Быть можетъ онъ былъ полученъ отъ матери, быть можетъ зависѣлъ отъ какихъ - либо другихъ фیزیологическихъ и психическихъ причинъ.

Во вторыхъ, воспитаніе и чтенія Шиллера, Байрона, Шатобріана и друг. развило чувствительность и фантазію, наполнивъ ее образами извѣстнаго типа. Дисциплинировало мысль въ извѣстномъ именно отвлеченномъ и меланхолическомъ направленіи, лишивъ практичности и опыта и юношеской искренней веселости. "Въ противоположность Пушкину, выступившему на литературномъ поприщѣ подъ эгидой беззаботныхъ мелкихъ французскихъ стихотворцевъ прошлаго вѣка, гораздо болѣе суровыя, сосредоточенныя или же наоборотъ идеалистически восторженныя лица обступили поэтическую колыбель Лермонтова. Сначала это Шиллеръ, Гете, Лессингъ, Шатобріанъ потомъ Байронъ. Въ его юношескихъ поэмахъ и драмахъ все главные мотивы и характеры являются постоянно отголосками чужихъ созданій: въ Испанцахъ ви-

дять сходство съ "Коварствомъ и Любовью" и "Натаномъ Мудрымъ, въ поэмѣ "Корсаръ" вліяніе "Донъ - Карлоса" ж/ Предъ нами ужъ "парниковое" растеніе, нѣжное, съ порывами и съ острымъ рано развитымъ умомъ и едва уловимыми зачатками отрицательныхъ склонностей: самолюбія, гордости и т.п.

Въ третьихъ, событія семейной жизни были также одной, хотя м.б. и незначительной причиной, поддерживающей пессимизмъ. Они не давали юному мальчику безопасно развлечься; они увеличивали мечтательность и были сюжетами, на которыхъ иногда оставливалась раздраженная фантазія его.

Наконецъ, когда Лермонтовъ выступилъ изъ родного гнѣзда въ жизнь, увидѣлъ кругомъ чужія лица, разнообразіе жизни - онъ потерялся. Нужно было разобраться не только въ личныхъ ощущеніяхъ, но и въ окружающей общественной жизни. Мысль должна работать усиленно, кругозоръ расширялся, всплывали новыя чувства, новыя ощущенія, человѣкъ созрѣвалъ духовно и физически. Несомѣнно все это подвигало поэта и заставило вспомнить съ грустью о дѣтствѣ. Пошлость жизни, дѣйствитель-

ж/ А.Веселовскій. Западное вліяніе въ русс. литературѣ. В.Е. 1882 г. кн.5. стр. 28 - 29.

ность далеко не соответствовало созданному книжному міру Лермонтова. Онъ готовъ былъ бросить свѣтъ, но тысячи нитей влекли его туда. Влекли Лермонтова "обольщенья свѣта", его показная красота, какъ художника, какъ аристократа и какъ человѣка. Создавалось дѣйствительно трагическое противорѣчіе и раздвоеніе. Предъ нами Лермонтовъ и борющійся и гнѣвный и уносящійся въ свой фантастическій міръ и вмѣстѣ безсильный. И слышится грусть и плачь отчаянія и презрѣніе. Суровая военная обстановка и Николаевскій режимъ "Формализмъ" общественной жизни тоже несомѣнно клала сильный опечатокъ на Лермонтова. Сколько душевной тяжести и озлобленія чувствуетъ въ словахъ Лермонтова:

"Прощай не мытая Россія,
Страна рабовъ, страна господъ,
И вы мундиры голубые,
И ты послушный имъ народъ.
Быть можетъ, за хребтомъ Кавказа
Укроюсь отъ твоихъ пашей,
Отъ ихъ всевидящаго глаза,
Отъ ихъ всеслышащихъ ушей.

Подобное чувство сказалось въ стихотв. "Жалоба Турка" и въ стихахъ, приведенныхъ Боденштедтомъ

ТЕЗИСЫ КЪ РЕФЕРАТУ: "ПЕССИМИЗМЪ ЛЕРМОНТОВА
И ЕГО ИСТОЧНИКИ".

ВВЕДЕНІЕ.

Отличительныя черты Лермонтовскаго пессимизма.

Двѣ стадіи въ его развитіи.

Разница въ воззрѣніяхъ на поэта у Жуковскаго,
Пушкина и Лермонтова.

"Исходъ" въ пессимизмъ у Пушкина и Лермонтова
по стихотвор.: "Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ"
и "Выхожу одинъ я на дорогу".

ИСТОЧНИКИ ПЕССИМИЗМА.

Затрудненіе при рѣшеніи этого вопроса.

Два направленія въ критикѣ.

а/ Мнѣнія представителей исторической точки
зрѣнія.

1/ Спасовича

2/ Михайловскаго

3/ Овсянко - Куликовскаго

4/ Иванова - Разумника.

б/ метафизической

1/ Андреевскаго

2/ Мережковскаго

Мнѣніе Н. Котляревскаго.

Общіе выводы.

Новицкій Василій

Студентъ -4-го курса.

КРАТКІЙ КОНСПЕКТЪ РЕФЕРАТА НА ТЕМУ:

ИСТОРИЯ РАЗВИТІЯ СЮЖЕТА ПОЭМЫ ЛЕРМОНТОВА "ДЕМОНЪ"
ВЪ ЗАВИСИМОСТИ ОТЪ РАЗНЫХЪ ВЛІЯНІЙ И СОБЫТІЙ
ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ПОЭТА.

1/ Лирика Лермонтова носитьъ ярко выраженный субъективный характеръ и вытекающая отсюда автобиографичность большинства произведеній поэта. Отзвѣвы по этому поводу, высказывавшіеся различными изслѣдователями, напр., Фридрихомъ Боденштедтомъ, Котляревскимъ.

2/ Но, съ другой стороны при объясненіи тѣхъ и другихъ фактовъ жизни поэта врядъ - ли возможно слишкомъ приурочивать ихъ къ тѣмъ или другимъ произведеніямъ и видѣть въ нихъ подлинныя копіи съ живыхъ лицъ и явленій, какъ это сдѣлано біографомъ Лермонтова проф. Висковатовымъ, который, по замѣчанію пр. Спасовича, - "живьемъ перекопалъ въ жизнеописаніе Лермонтова цѣлыя страницы и сцены изъ юношескихъ драмъ Лермонтова со всею ихъ фактической обстановкою".

/Журн. Вѣсти. Евр. 1891 г. кн. 12, стр. 624

3/ Поэтому справедливѣе видѣть въ произведеніяхъ Лермонтова лишь отраженіе тѣхъ жизненныхъ собы-

тій, — подчасъ сильно омрачавшихъ его, — которые выпадали на долю молодого Лермонтова, и безъ того одареннаго природой большою предрасположенностью къ мрачнымъ и скорбнымъ настроеніямъ души.

4/. Главной причиною его скорбанаго и мрачнаго настроенія была сама природа; онъ всегда предпочиталъ грустные мотивы веселымъ.

5/. Гораздо правильнѣе взглянулъ на степень зависимости отдѣльныхъ произведеній Лермонтова отъ извѣстныхъ фактовъ личной жизни поэта другой изслѣдователь Лермонтова — Котляревскій. "Безспорно, говоритъ Котляревскій, и семейные раздоры бабушки съ отцомъ, и легкія неудачи дѣтскихъ привязанностей, имѣли вліяніе на развязку драматическихъ опытовъ Лермонтова; но мы глубоко ошибемся, если пожелаемъ видѣть бабушку или отца въ противныхъ лицахъ, которыя выводятся на сцену. Частички житейской правды въ этихъ опытахъ есть, но письма и стихи Лермонтова указываютъ, что эта частичка весьма незначительна, и онъ не переставалъ любить и быть привязаннымъ къ лицамъ, съ которыхъ онъ якобы писалъ портреты. Однимъ словомъ, относясь къ пережитому, какъ къ живой натурѣ, Лермонтовъ видоизмѣнялъ ее свободно и до неузнаваемости, не заботясь о томъ, чтобы въ изображаемомъ была какая-нибудь на-

стоящая правда". /Вѣстн. Евр. 1891 г. кн. 12 стр. 624/.

6/. Такимъ образомъ при выясненіи развитія сюжета того или другого произведенія Лермонтова, при выясненіи исторіи роста самой личности поэта, необходимо принимать во вниманіе всю наличность фактовъ личной жизни поэта, видя въ нихъ довольно сильное, но не исключительное вліяніе на ходъ развитія творчества Лермонтова.

7. Весьма многое въ лирикѣ Лермонтова обусловлено самымъ складомъ натуры поэта.

8/. Основные черты характера Лермонтова: природный меланхолизмъ, необузданная фантазія, острый аналитическій умъ.

9/. При наличности такихъ чертъ натуры, Лермонтовъ, съ ранняго дѣтства, жилъ больше рефлексивной стороной своего существа. Все окружающее, къ чему ни подходилъ поэтъ, вызывало въ немъ лишь раздвоеніе. И молодой умъ, не находя въ окружающемъ ничего удовлетворяющаго запросамъ ума и сердца, искалъ утѣшенія въ царствѣ красивыхъ образовъ, созданныхъ неудержимой фантазіей. Онъ привыкаетъ цѣнить только эти образы, а не дѣятельность; между тѣмъ, онъ знаетъ, что эти образы только мечта и обманъ. И чѣмъ чаще поэтъ уходилъ въ міръ мечты и фантазіи, тѣмъ

сильнѣе онъ чувствовалъ яркую непримиримость созданий мечты съ окружающею дѣйствительностью.

И для него главная его способность, составляющая и его гениальность, становится вмѣстѣ съ тѣмъ и его отравою.

10/. Краткая характеристика произведеній ранней поры юности. И въ особенности на основаніи стиха "11-е іюня 1831 г.", какъ наиболѣе выражающаго основной тонъ настроенія поэта. Значеніе предчувствій въ жизни поэта и объясненіе ихъ Д. С. Мережковскимъ, который опредѣляетъ ихъ, какъ способность "воспоминанія будущаго". Это "воспоминаніе будущаго", заключающееся въ поразительно безошибочномъ предчувствіи грядущихъ событій, "кидаетъ на всю жизнь Лермонтова чудесный и страшный отблескъ" /стр. 23/.

11/. Необходимость такой характеристики, какъ дающей основаніе судить о характерѣ того или другого произведенія, - именно, насколько въ немъ отразились элементы субъективные, т.е. тѣ или другія переживанія поэта; какіе изъ этихъ переживаній были доминирующимъ въ лириксѣ поэта; и въ какой мѣрѣ они отразили въ себѣ ту фактическую обстановку жизни поэта, въ какой ему приходилось жить.

12/. Вывтекающая отсюда необходимость двухъ то-

чекъ зрѣнія на творчество Лермонтова: социологической и психологической.

13. Переходъ къ исторіи развитія сюжета поэмы Лермонтова "Демонъ" и характеристика наиболѣе сильно отразившихся въ поэмѣ вліяній личной жизни поэта.

14. Прототипы "Демона" поэмы въ раннихъ юношескихъ произведеніяхъ Лермонтова: стихотвореніе Лермонтова: стихотвореніе "Мой Демонъ" въ двухъ редакціяхъ - 1829 г. 1831 г.

Власть надъ поэтомъ злого генія, принявшая для него характеръ чего-то неизбежнаго, съ чѣмъ Лермонтовъ не чувствовалъ себя въ силахъ бороться:

"И гордый демонъ не отстанетъ,
Пока живу я, отъ меня,
И умъ мой оварять не станетъ
Лучемъ чудеснаго огня".....

/Изд. Акад. Н. т. I стр. 300/.

15. Естественное желаніе поэта найти воплощеніе для своего злого генія, въ которомъ очень много свойствъ личного характера Лермонтова.

Какъ натура въ высшей степени субъективная, Лермонтовъ запечатлѣлъ въ поэмѣ "Демонъ" все тѣ личныя переживанія и ощущенія, какими награждала его судьба. Каждая новая обработка поэмы,

помимо желанія придать ей совершенство формы, и заключала въ себѣ и много личныхъ мотивовъ, обусловленныхъ событіями жизни поэта.

16. Первый очеркъ поэмы 1829 г. и обстоятельство жизни поэта, сопровождавшія появленіе этого очерка. Пребываніе Лермонтова въ имѣніи бабушки - Арсеньевой - Тарханахъ и начало семейныхъ драмъ между бабушкой и отцомъ поэта изъ за первенства опеки надъ молодымъ поэтомъ. Картины этихъ ссоръ между бабушкой и отцомъ поэта.

17. Вліяніе этихъ ссоръ на душу поэта. Онъ видѣлъ приниженность отца, его страданія отъ этой приниженности, - и молодая душа поэта рвалась на части отъ неизбежнаго раздвоенія, въ итогъ котораго ему необходимо было выкритъ свое отношеніе къ обѣимъ враждающимъ сторонамъ. Но всецѣло принять сторону одного онъ не могъ, такъ какъ одинаково былъ любимъ и одинаково былъ обязанъ обѣимъ сторонамъ. Онъ видѣлъ горячую любовь бабушки, но съ другой стороны симпатія къ отцу и глубокое сочувствіе его горю не могли заставить его относиться къ ней съ полной искренностью. Такая внутренняя борьба сильно удручала мальчика - поэта. Онъ, по натурѣ мягкій и любящій, съ поэтическимъ полетомъ души, уходилъ въ себя, становился пасмуренъ, подозрителенъ, недо-

вѣрчивъ. Но, натура брала свое, и онъ невольно сталъ рано искать дружбы и любви, сисясь въ нихъ найти отраду и поддержку своему горькому положенію невольнаго страдальца. Раннія увлеченія поэта, изъ которыхъ особенно сильно первое, оставившее глубокій слѣдъ на всю жизнь.

18. Послѣдствія этихъ увеличеній: неудовлетворенность и демонически - гордый тонъ отношенія къ окружающимъ, какъ результатъ лжи и обмана, какія поэтъ находилъ въ каждомъ увлеченіи. Здѣсь, надо полагать, кроется начало образованія характера "Демона". Начало выработки главныхъ чертъ характера Лермонтова знаменуетъ собою и начало ссравненія общаго характера героя поэмы "Демонъ". Въ немъ должны были отразиться всѣ главныя стихіи натуры Лермонтова, поскольку имъ суждено было выразиться въ жизни. Но помимо значенія чисто автобіографическаго, поэма представляетъ много интереснаго и для характеристики тѣхъ моментовъ въ жизни Лермонтова, которые такъ ли иначе обусловливали творчество поэта и тѣмъ самымъ бросали извѣстный отпечатокъ на созданіе поэмы "Демонъ". Изъ характеристики этихъ моментовъ складывается общая картина тѣхъ вліяній, какими сопровождалось появленіе того или другого очерка поэмы.

19. Къ числу такихъ вліяній относится и исторія любви Лермонтова къ Варенькѣ Лопухиной. Любви этой суждено было сыграть большую роль въ жизни Лермонтова: она яркой звѣздой прошла черезъ всю жизнь поэта, оставивъ на ней большіе и глубокіе слѣды, отраженіемъ которыхъ являются всѣ лучшія произведенія поэта. Такъ, поэма "Демонъ", особенно въ первыхъ очеркахъ, вся проникнута изображеніемъ душевныхъ бурь поэта и еі любви къ чудной дѣвушкѣ, отъ которой онъ ждалъ спасенія, въ которой видѣлъ для себя оплотъ противъ мрачныхъ думъ и настроеній души. Въ себѣ видѣлъ поэтъ мрачнаго демона, въ Варенькѣ ясное, безгрѣшное существо, которое одно можетъ вернуть его къ небесамъ, т.е. къ правдѣ и добру. Любовь Лермонтова къ Варенькѣ Лопухиной жила и развивалась подъ разными настроеніями. Молодой поэтъ иногда самъ себѣ не могъ дать яснаго отчета въ своемъ чувствѣ: то полный восторженной радости, то мрачнаго отчаянія, ревности или презрѣнія, онъ и уходилъ и снова возвращался къ любимому созданію, полный страха и отчаянія. Такъ мало - по - малу эта дѣвушка стала неразлучнымъ спутникомъ всѣхъ его помысловъ и мечтаній. Поэтъ - юноша, сильно страдавшій подъ бременемъ распри богатой бабушки съ от-

цомъ . видѣлъ все свое спасеніе отъ нравственныхъ мукъ въ свѣтлой любви въ Варенькѣ.

20. Такимъ образомъ, и исторія любви Лермонтова, какъ и исторія отношенія бабушки и отца, также сыграла свою роль въ развитіи характера "Демона"

Для того, чтобы надѣлать героя поэмы такой силой страсти, надо самому до нѣкоторой степени пережить нѣчто подобное, надо въ собственномъ характерѣ имѣть черты однородныя съ характеромъ демона.

21. Демонъ Лермонтова не былъ Сатанокъ, откуда можно видѣть намѣреніе поэта надѣлать демона вполне человѣческими страстями, такъ какъ онъ долженъ былъ явиться отраженіемъ живой личности поэта.

22. Причина, побудившая избрать мѣстомъ дѣйствія поэмы - Испанію: желаніе реабилитировать родъ своего отца въ глазахъ богатой родной бабушки.

23. Дѣйствительная родина предковъ Лермонтова - Шотландія. Поэтъ о шотландскомъ происхожденіи фамиліи своихъ предковъ намекаетъ въ стих. 30 и 31 г.г., такъ что можетъ быть онъ только въ это время узналъ о томъ. Шотландскіе барды, поэзія Оссіана занимаютъ его, и, услыжавъ отъ путешественниковъ описаніе могилы Оссіана

онъ воспоминаетъ о Шотландіи, называя ее своею:

"Подъ завѣсою тумана,
Подъ небомъ бурь, среди степей,
Стоитъ могила Оссіана
Въ горахъ Шотландіи моей".

24. Поиски — родины своихъ предковъ особенно занимаютъ поэта въ 1830 г., когда разразилась семейная гроза, тягостно поразившая поэта.

25. Финаль семейной драмы: смерть отца, сильно поразившая поэта.

26. Переходъ Лермонтова въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и вліяніе этого событія на творчество Лермонтова: оно не такъ продуктивно, какъ прежде, такъ какъ обстановка военной жизни менѣе всего располагала его къ занятіямъ этимъ творчествомъ.

27. Новый и самый благотворный для творчества Лермонтова періодъ пребыванія на Кавказѣ. Пребываніе поэта на Кавказѣ вновь знакомитъ его съ красотами кавказской природы, его живнью, сказаніями, вѣрованіями. Уже ребенкомъ онъ здѣсь почерпнулъ первые порывы вдохновенія; теперь мужайущій юноша найдетъ въ немъ успокоеніе, упорядоченіе мысли, подходящія условія для созрѣванія таланта. Теперь его фантазія особенно захвачена величественными картинами кавказской природы.

Военно-грузинская дорога своими красотами и цѣлою вереницей легендъ особено поразила поэта. Легенды эти были ему извѣстны давно. теперь онѣ возобновились въ его памяти, вставляли въ фантазіи его, укрѣпляясь въ памяти вмѣстѣ съ то могучими, то роскошными картинами кавказкой природы. Вотъ тутъ-то и зародилась въ поэтѣ мысль перенести мѣсто дѣйствія любимой его поэмы "Демонъ" на Кавказъ. Теперь всѣ, наиболее сильно поразившія поэта мѣстности Кавказа находятъ свое отраженіе въ поэмѣ. Военно - грузинская дорога, вся мѣстность Дарьяльскаго ущелья. богатая разными сказаніями, замокъ царицы Тамары "въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла" какъ нельзя болѣе подходили къ излюбленному сюжету Лермонтова. Все это вмѣстѣ пробудило въ поэтѣ въ 1837 г. воспоминанія дѣтскихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ пребыванія на Кавказѣ, и рассказовъ часто приѣзжавшихъ оттуда родственниковъ. Поддавшись очарованію Кавказа, еще съ большей силой, чѣмъ прежде, поэтъ рѣшается вновь передѣлать свою любимую поэму и перенести мѣста дѣйствія изъ Испаніи на Кавказъ. Такимъ образомъ, Кавказъ былъ послѣднимъ этапомъ въ исторіи видоизмѣненія поэмы "Демонъ". Всѣ послѣдующія обработки поэмы относятся уже къ Кавказу и вызваны онѣ были жела-

ніемъ поэта придать ей возможно лучшую художественную обработку.

28. Что касается наиболѣе достовѣрной редакціи поэмы, носящей на себѣ слѣды послѣдней обработки ея авторомъ, то вопросъ этотъ въ высшей степени спорный и до настоящаго времени невыясненный. Болѣе вѣроятной редакціей будутъ корректурные листы январской книжки журн. "Отечественныхъ Записокъ" за 1842 г. Мнѣніе по этому поводу редакціи изданія Академіи Наукъ. Времени окончанія поэмы.

29. Итакъ, исторія возникновенія и разныхъ видоизмѣненій поэмы "Демонъ" заключаетъ въ себѣ много личныхъ мотивовъ, обусловленныхъ вліяніемъ фактовъ и событій жизни Лермонтова. Изъ характеристики этихъ мотивовъ выясняется многое, чѣмъ жилъ и страдалъ Лермонтовъ, муза котораго въ сильной степени носила на себѣ отпечатокъ именно страданія. И "Демону", какъ наиболѣе сильному выразителю сокровенныхъ думъ и стремленій поэта, принадлежитъ самое видное мѣсто въ ряду другихъ произведеній поэта. Въ "Демонѣ" Лермонтовъ достигъ самаго совершеннаго воплощенія своихъ творческихъ восторговъ и своей самой сокровенной горести. Тутъ сосредоточивалось все, что накопило въ его воображеніи, что вы-

страдало сердце и долго зрѣло въ умѣ. Тутъ и
страсть, и художественное суевѣріе, и гордый
индивидуализмъ, и сверкающая яркими красками жи-
вописность, и разочарованіе, и волюнтаризмъ и
отверженность и безпредѣльная грусть по сіяющему
и въ самой поверженности своей идеалу.

---:---:---

Вознесенскій Александръ,
студ. - филологъ III курса

ПОЭМА "ДЕМОНЪ" И ЕЯ ВАРИАНТЫ.

/Герои: Демонъ и Монахиня или Тамара, какъ представители романтическаго индивидуализма и универсализма/.

Пора Лермонтова - пора общественнаго и литературнаго романтизма. Начало столѣтія открывается эпохою наполеоновскихъ войнъ, производящихъ коренную ломку въ дряхлыхъ и закоснѣлыхъ порядкахъ европейскаго общества. Геній Бонапарта вызываетъ всеобщее замѣшательство въ жизни Европы, привыкшей жить въ строго ограниченныхъ рамкахъ монархическаго абсолютизма. Политическія идеи, провозгласившія свободу и ширь общечеловѣческой жизни, безграничная вѣра въ возможность непрерывнаго прогресса, необузданная страсть къ быстрымъ реформамъ, приниженность сильныхъ и энергичное выступленіе слабыхъ и угнетенныхъ, или какъ полноправныхъ индивидуумовъ, или какъ обособленныхъ національностей, все это явившееся, какъ результатъ появленія на міровой сценѣ исторіи Наполеона I-го, создаетъ такую атмосферу, въ которой общественная

жизнь течетъ, руководимая чувствомъ, граничащимъ страстью; разумъ парализуется. Въ дальнѣйшемъ желѣзный деспотизмъ Бонапарта, мелькнувшаго, какъ падучая звѣзда на небѣ Европы, смѣняется цѣлымъ рядомъ событій, которыя поддерживаютъ старое возбужденіе умовъ и страстей въ исторіи европейскихъ націй. Знаменательныя событія въ историческій день 14 декабря 1825 - го года, оставившія глубокое впечатлѣніе въ русскомъ обществѣ и создавшія прецедентъ для дальнѣйшихъ общественныхъ выступленій, трехдневная іюльская революція во Франціи: опрокинувшая Бурбоновъ, ноябрьское возстаніе поляковъ 1830 года - эти факты, выступающіе на общемъ фонѣ міровой исторіи, какъ рѣзко бросающіеся въ глаза выпуклости, подогреваютъ страстное настроеніе народовъ. Итакъ, тогдашняя жизнь Европы - жизнь чувствомъ по преимуществу, жизнь въ сферѣ бурныхъ и страстныхъ порывовъ, не считающихся съ простою будничною дѣйствительностью, часто приводившею къ крушенію тѣхъ идеаловъ, которые были созданы въ туманѣ несбыточныхъ грезъ. Итакъ, романтическія порывы въ жизни европейскаго общества едва ли могутъ подлежать сомнѣнію.

Содержаніе общественности повторяется и

въ литературѣ. Тѣ же восторженные слова любви къ широкой, почти абсолютной свободѣ какъ личной, такъ и національной, а иногда и общечеловѣческой, тотъ бодрящій призывъ къ разрыву съ традиціонными условіями въ поэзіи, призывъ къ непринужденности поэтического творчества и господству вдохновенія, отзывающагося на самыя потаенныя движенія человѣческой души, - вотъ тѣ мотивы, которые даютъ содержаніе вновь возродившемуся изъ подъ пыли средневѣковаго романтизму. Кролоссальный выразитель новыхъ поэтическихъ элементовъ - величайшій Байронъ; онъ, какъ яркій метеоръ, мелькаетъ передъ человѣчествомъ и простираетъ непреодолимое вліяніе по весь міръ; онъ "властитель нашихъ думъ", пронесшійся подобно "шуму бури", отзывается о немъ Пушкинъ. Даже великіе предшественники Лорда, геціальные выразители Sturm und Drang'a, явившагося почвой для возрожденія средневѣковаго романтизма въ его облагороженномъ видѣ - Гете и Шиллеръ - какъ-бы затѣняются величайшею словою англійскаго поэта; Байронъ - царь романтической поэзіи, которому, какъ къ верховному повелителю, сходятся на поклоненіе всѣ европейскіе поэты. Итакъ, литературный романтизмъ, кажется - вѣн сомнѣній.

Романтическая обстановка, царившая въ пору

поэтического творчества Лермонтова какъ въ общественной, такъ и литературной сферѣ, дополняется столь же романтически - бурными мотивами и личнаго существованія поэта. Необычайность жизни въ пору дѣтства Лермонтова: ранняя смерть матери, разладъ отца поэта съ бабушкой, непонятная и преждевременная смерть отца, - бурная юность и возмущалость среди золотой молодежи и коварно - обманчивыхъ женщинъ, въ кругу интригующаго общества, не понимавшаго офицера - поэта, быстро смѣняющейся внѣшней обстановкѣ отъ суровыхъ, сѣверныхъ ландшафтовъ Петербурга и его окрестностей до дико-красивыхъ и обворожительныхъ видовъ Кавказа - всё эти и подобныя имъ обстоятельства, быстро смѣняющіяся въ жизни поэта одно за другимъ, заставляли жить Лермонтова въ сферѣ аффектовъ, жить чувствомъ, а не разсудкомъ; за предѣлами неприглядной действительности въ области романтическихъ грезъ и мечтаній.

Даже характеръ поэта былъ настроенъ въ романтическомъ тонѣ; какъ истый романтикъ поэтъ одаренъ музыкальною душою; уже въ младенчествѣ при звукахъ фортепіано на которомъ "заигрывалась" мать поэта, онъ волнуется и "слезы катятся по его лицу" /Биографія М.Ю.Лер-

монтова Виссиковатова, томъ 6-й, стр. 15/: уже рано возбужденная фантазія поэта улетаѣла на своихъ крыльяхъ въ заоблачные края /ibid. стр. 19/. Будущій поэтъ, какъ впоследствии передавалъ самъ Лермонтовъ своей черновой замѣткѣ послѣ стихотворенія "Эпитафія утонувшему игроку" /1830 г./, "когда еще былъ малъ, любилъ смотрѣть на луну, на разнovidныя облака, которыя ввидѣ рыцарей съ шлемами тѣснились будто вокругъ ея; будто рыцари, сопровождающіе Армиду въ ея замокъ, полны ревности и безпокойства" /томъ I-ый, стр. II4/. Какъ витающій въ сверѣ чувства, часто, можетъ быть, фантастическаго, поэтъ уже десяти лѣтъ, по своему собственному признанію, переживаетъ любовь и т.д. и т.д. Словомъ, романтичность характера несомнѣнна.

Итакъ, Лермонтовъ, вращавшійся въ атмосферѣ, насыщенной романтическими мотивами, и самъ въ душѣ неподѣльный романтикъ, по необходимости долженъ былъ быть искреннимъ исповѣдникомъ моднаго литературнаго теченія и въ своемъ поэтическомъ творествѣ. Дѣйствительно, Лермонтовъ отъ начала до конца - романтикъ по преимуществу, и перлъ романтическаго творчества поэта - поэма "Демонъ", гдѣ мотивы бурныхъ и страстныхъ вѣяній очерчены въ чарующихъ краскахъ.

Здѣсь поэтъ сорседоточилъ всѣ тѣ переживанія, которыя "выстрадалъ" /Котляревскій, стр. 74 / лично.

Какъ демонъ хладный и суровый,

Я въ мірѣ веселился зломъ;

Обманы были мнѣ не новы,

И ядъ былъ на сердцѣ моемъ....

/"Посвященіе" ко 2-му очерку/

Какъ демонъ мой, я зла избранникъ,

Какъ демонъ, съ гордою душой,

Я межъ людей безпечный странникъ,

Для міра и небесъ чужой....

/"Эпилогъ" ко 2-му очерку/.

Въ поэмѣ Лермонтовъ декорировалъ субъективный элементъ украшеніями своей пылкой фантазіи и амальгаму реальныхъ и фантастическихъ переживаній вставилъ въ рамки легендарныхъ сказаній. Тенденціозность въ манерѣ творчества поэта отсутствовала; при субъективности содержания поэтъ былъ объективенъ, какъ художникъ, и та основная нравственная идея "Демона", которую историки литературы видятъ въ поэмѣ, принадлежитъ уму изслѣдователей, а не поэту. Тотъ "трудный вопросъ", который, напр., по мнѣнію Котляревскаго, поставленъ поэтомъ въ "Демонѣ": "можетъ ли человѣкъ примириться съ полнымъ одиночест-

вомъ и не искать встрѣчи съ другими людьми, да-
же если признать, что въ немъ погибли всѣ доб-
рыя чувства, что онъ силенъ настолько, чтобы ни
въ комъ не нуждаться, и пресыщенъ и разочаро-
ванъ до полного индифферентизма." /Котляревскій,
стр. 74/, - этотъ вопросъ чуждъ Лермонтову; по-
этъ въ творествѣ не отправляется отъ идеи,
опредѣленно формулированной, предоставляя дѣ-
лать выводы читателю.

Я буду пѣть, пока поется,
Пока волненья не забылъ,
Пока высокимъ сердце бьется,
Пока я жизнь не пережилъ....

/I-ое Посвященіе къ I-му очерку/.

Только новня литературныя мнѣнія, объединившія-
ся потомъ подъ общимъ названіемъ художественна-
го реализма, а также и личные факты изъ жизни
поэта заставляли Лермонтова вносить нѣкоторый,
видоизмѣняющій первоначальный набросокъ поэмы,
отпечатокъ.

Первый очеркъ 1829 года. Герой поэмы -де-
монъ. Въ прошломъ онъ былъ сверхчеловѣкъ; онъ
былъ близокъ къ небу и далекъ отъ земли; онъ
"глядѣлъ на славу Бога, не отвращаясь отъ Него,
и сердечная тревога чуждалась души его". Потомъ
"любовь забылъ онъ навсегда.... Въ немъ пусто,

Рефер. по изуч. Лермонтова. Листъ 5-ый.

пусто, какъ въ пустынь... Теперь онъ человѣкъ.
Какъ истинный герой романтизма, демонъ влюбляется моментально, какъ рыцарь средневѣковыхъ рыцарскихъ поэмъ; одинъ музыкальный звукъ голоса будить въ душѣ демона пылкую любовь тайственной монахини, заключенной въ дикой обители въ страстномъ чувствѣ демонъ забываетъ все.

...въ усиленную обитель

Вступаетъ мрачный искушитель.

Вотъ тихій и прекрасный звукъ,

Подобный звуку лютни внемлетъ...

И чей-то голосъ... жадный слухъ

Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ

Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ...

Его крыло не шевелится,

И странно. изъ потухшихъ глазъ

Слеза свинцовая катится....

Какъ много значилъ этотъ звукъ.

Мечты забытыхъ упоеній,

Вѣка, страданія и мукъ,

Вѣка безплодныхъ размышленій -

Все оживилось въ немъ - и вновь

Погибшій вѣдаетъ любовь.

На вопросъ монахини: кто ты ? - демонъ , какъ истый представитель романтическаго индивидуализма, выдвигаетъ све гордое я.

Я демонъ
.....

Сгорая жаждою любви,
Несу къ ногамъ твоимъ молѣнья,
Земныя первыя мученія
И слезы первыя моя....

Въ противоположность демону героиня, монахиня заброшеннаго "между высокихъ скалъ" монастыря, чужда романтическаго эгоцентризма; она хочетъ обезличить свое я и слиться съ міромъ чуждымъ землѣ.

Я поклялась давно, ты знаешь,
Земныя страсти позабыть....

Второй очеркъ 1830 - 31-го года. Тотъ же демонъ, влюбленный пылкою страстью, болѣе сильной, чѣмъ прежде.

Вѣка минувшихъ упоеній,
Вѣка изгнанія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размыленій:

Все оживилось въ немъ опять....

Демонъ покидаетъ небесныя жилища; онъ переселяется на землю; онъ хочетъ быть близкимъ къ той, которая должна принадлежать ему; ради нея онъ становится ближнимъ человѣку.

Печальный демонъ удалился
Отъ силы адской съ этихъ поръ,
Онъ хребетъ далекихъ горъ

Въ ледяный гротъ переселился,
Гдѣ подъ снѣгами хрустали
Корой огнистою легли,
Природы дивныя творенія.

Ея причудливой игры

Онъ наблюдаетъ измѣненья:

Составя свѣтлые шары,

Онъ ихъ по вѣтру посылаетъ,

Велитъ имъ путнику блеснуть,

И надъ болотомъ овѣщаетъ

Заглохшій, неѣзжалый путь.

Когда метель гудитъ и свищетъ

Онъ охраняетъ пришлеца,

Сдуваетъ снѣгъ съ его лица

И для него защиту ищетъ....

И часто, подымая прахъ,

Въ борьбѣ съ лѣтучимъ ураганомъ

Одѣтый молнѣй и туманомъ,

Онъ дико мчится къ облакамъ,

Чтобъ въ толпѣ стихій мятежной

Сердечный ропотъ заглушить,

Спасть отъ думы неизбежной

И незабвенное забыть.

Какъ рыцарь безъ страха и упрека, демонъ вѣрентъ
любви; измѣна чувствамъ возбуждаетъ ревность;
онъ мститъ. Демонъ узнаетъ, что она, ради кото-

рой онъ покинулъ надвѣвдныя міры и переселился на жалкую землю, счастлива съ другимъ, съ посланникомъ неба; онъ загорается демонскою злобою и яростью, которая извѣсти ему знакомы.

.....могильный стонъ,

Какъ эхо изъ груди разбитой

Протяжно вышелъ наконецъ,

И сердце, яростью обито,

Отяжелѣло, какъ свинецъ,

Его рука остановилась

На воздухѣ. Сведенный перстъ

Оледенѣлъ; хотъ взоръ отверсть,

Въ немъ ничего не отразилось,

Кромѣ презрѣнія.....

И зависть, ненависть и злоба

Взыграли демонкой душой....

Истинъ герой романтическаго рыцарства безплодно мститъ за измѣну.

Красавицѣ погибнуть надо.

Ее не пощадить онъ вновь.

Погибнетъ. — Прѣжняя любовь

Не будетъ для него оградой.....

Злой духъ недолго размышлялъ,

Онъ не въ первые отомчалъ.

Онъ образъ смертной принимаетъ,

Вѣнецъ чело его ласкаетъ.

И очи черныя горятъ....
Онъ къ ней прокрадется туда,
Подъ сѣнь обители уснувшей,
И тамъ погубить навсегда
Предметъ любви своей минувшей....

При свиданіи эгоизмъ демона растетъ; онъ гордо
заявляетъ монахинѣ:

Слишкомъ гордъ я, чтобы просить
У Бога вашего прощенья...

и терзаемый ревностью демонъ покрываетъ смер-
тельными поцѣлуями плечо дѣвицы; она умираетъ;
демонъ удовлетворенъ; онъ издали, какъ "безпо-
койная тѣнь", унижается мщеніемъ.

Сквозь дымку туманныхъ красокъ, проясняет-
ся и образъ таинственной, романтической монахи-
ни; она испанка; унижается музыкою.

Она сидѣла

Съ испанскою лютнею въ рукахъ
И пѣсню горь, играя, пѣла....

Она пѣла о миломъ посланникѣ неба, которому
принадлежало ея сердце.

Какъ парусъ надъ бездною морской,
Какъ подъ вечеръ золотая звѣзда,
Явился мнѣ ангелъ святой;
Не забуду его никогда....
Явился онъ мнѣ лишь на мигъ -

Но за вѣчность тотъ мигъ не отдамъ...
Но слова остались словами; мигъ любовной лас-
ки она отдала за мигъ страстныхъ рѣчей демона;
она измѣнила небесной любви.

О демонъо, коварный другъ.

Ты.... бѣдную ... заворожилъ.....

Ты былъ любимъ и не любилъ,

Ты-бъ могъ спастись, а погубилъ....

Проклятье сверху, мракъ надъ нами.

Но измѣна заловдала: ей готовилось мщеніе.
Третій очеркъ 1831 -го года, написанный дру-
гимъ размѣромъ, не вносить новаго въ характе-
ристику героевъ поэмы.

Не измѣняетъ основныхъ мотивовъ въ харак-
терахъ демона и монахини и четвертый очеркъ
1833 г. ; мысли тѣ же; страстность ревнивыхъ
рѣчей демона, увлекающихъ монахиню, увеличена.

..... Полонъ жизни новой,

Съ своей преступной головы

Я гордо снялъ вѣнецъ терновый,

Я все бывшее бросилъ въ прахъ;

Мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ.

Я проклялъ прошлую безпечность;

Съ тобою разно - міръ и вѣчность

Пустыя, звучныя слова,

Прекрасный храмъ безъ божества.

Люблю тебя не здѣшной страстью,
Какъ полюбить не можешь ты, —
Всѣмъ упоеньемъ, всею властью
Безсмертной мысли и мечты;
Люблю блаженствомъ и страданьемъ,
Надеждою, воспоминаемъ,
Всей роскошью души моей и т.д.

Пятый и окончательный /шестой/ очеркъ въ изданіи Висковатова нѣсколько видоизмѣняетъ романтическую картину любви и мести къ монахинѣ. Краски спускаются и получаютъ рѣзкую определенность. Авторъ дѣлаетъ нѣкоторую уступку мотивамъ художественнаго реализма. Мѣсто дѣйствія поэмы переносится изъ невѣдомыхъ странъ на Кавказъ. Герой поэмы — тотъ же демонъ; только теперь онъ получаетъ болѣе выпуклый отпечатокъ эгоизма; теперь онъ истинный выразитель романтическаго индивидуализма; онъ всюду выдвигаетъ свое личное я. Носясь передъ упоительными картинами Кавказа, гдѣ

И дикъ и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ.....

демонъ только

Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенье Бога своего
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего

Даже "природы блескъ роскошной Грузіи долины"
не возбудили

Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ -

И все, что передъ собой онъ видѣлъ,

Онъ презиралъ, онъ ненавидѣлъ.

Демонъ отворачивается, въ глубокомъ презрѣніи
къ людямъ отъ земного міра; условная красота
не манитъ его. Оторванный отъ земли демонъ
находится въ непримиримой враждѣ и къ Богу;
демонъ гордо заявляетъ:

Я врагъ небесъ.....

Итакъ, и міру и Богу демонъ противопоставля-
етъ могущественное я. Въ личности демона со-
средоточивается настоящая квинтъ - эссенція
индивидуализма, эссенція, нерастворимая други-
ми примѣсями: : всюду безконечное я.

Я тотъ, которому внимала....

Я тотъ, чей взоръ надежды губить...

Я тотъ, кого никто не любить....

Я богъ рабовъ моихъ земныхъ,

Я царь познанья и свободы,

Я врагъ небесъ, я зло природы....

Отсюда демонъ внѣ протяженности и времени:

Ничто пространство мнѣ и годы....

Настолько высоко демоническое я!

Но вотъ любовь, которая "какъ адски -

страстная музика, заставляет трепетать даже сердца стариковъ, какъ маргаритка, которая широко раскрываетъ свою чашечку при наступленіи ночи какъ анемана, которая сжимается отъ одного вздоха и умираетъ при одномъ лишь прикосновеніи /К.Гамсунъ/ - эта всемогущая любовь и демона вводитъ въ условія земного пространства и времени; мимолетный взоръ, брошенный демономъ на красавицу Тамару, какой человечество еще не видѣло "съ тѣхъ поръ, какъ міръ лишенъ былъ рая", будить любовь; демонъ волнуется, какъ пылкій юноша - романтикъ; демонъ снова видитъ прелесть земного добра и красоты; онъ упоенъ мечтами о счастья; демонъ всецѣло живетъ чувствомъ. -

И демонъ видѣлъ... На мгновенье

Неизъяснимое волненье

Въ себѣ почувствовалъ, и вновь

Въ нѣмой души его пустыню

Проникла молніей любовь. -

И опять постигъ святыню

И міръ добра и красоты.....

.....и мечты

О прежнемъ счастьѣ цѣлью длинной,

Какъ будто за звѣздой звѣзда,

Предъ нимъ воскреснули тогда.....

Какъ рыцарь съ ярко выраженнымъ эгоцентризмомъ,

рыцарь, не допускающій компромиссовъ съ претендентами на предметъ его возможнаго счастья, рыцарь, отрицающій свободу чувства, демонъ устраняетъ на пути къ поставленной цѣли всѣхъ соперниковъ; онъ пользуется средствами низкаго разбора, какъ человѣкъ темнаго средневѣковья, живущій по рецепту: цѣль оправдываетъ средства; демонъ убиваетъ рукою коварнаго чеченца счастливаго властителя Синодала; князь гибнетъ въ неравномъ бою. Властнымъ, демоническимъ словомъ удаленъ и другой сильный недругъ демона — ангелъ; демонъ какъ-бы пугаетъ посланника неба властью своего я.

Оставь ее. Межъ ней и мною

Не становись: она моя.

Мы связаны судьбой одною,

И ей, какъ мнѣ, не ты судья.

Подъ чарой ясной благостыни

Я счастье лучшихъ дней ловлю.

Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни,

Здѣсь я владаю, я люблю.

И ангелъ, повинувшись властному слову, тонетъ въ эфиръ неба.... Теперь путь свободенъ; препятствія устранены; демонъ передъ Тамарою. И вотъ открывается обаятельная рѣчь влюбленнаго демона, гдѣ личное я декорируется чудными

картинами земли и неба. На фонѣ фантастическихъ грезъ изъ міра сна и экзальтированнаго вдохновенія выступаетъ, прикрываясь дымкою отраженныхъ тѣнѣй, безконечное, дьявольское я.

Я тотъ, которому внимала.....

Я тотъ, чей взоръ надежды губить....

• Я тотъ, кого никто не любитъ...

Я богъ рабовъ моихъ земныхъ.....

Я царь познанья и свободы.....

Я врагъ небесъ, я зло природы...

Я рабъ твой, я тебя люблю.....

Лишь только я тебя увидѣлъ -

Я тайно вдругъ возненавидѣлъ

Безсмертіе и власть мою.....

Клянусь я первымъ днемъ творенья....

Отрекся я отъ старой мести, -

Отрекся я отъ гордыхъ думъ.....

Хочу я съ небомъ примириться,

Хочу я вѣровать добру.....

..... Я одинъ понинѣ

Тебя постигъ и оцѣнилъ.....

Я власть у ногъ твоихъ сложилъ

Въ любви, какъ въ злобѣ, вѣрь, Тамара,

Я неизмѣненъ, я великъ.....

Толпу духовъ моихъ служебныхъ

Я приведу къ твоимъ стопамъ;

Прислужницъ легкихъ и волшебныхъ

Тебѣ, красавица, я дамъ

И для тебя съ звѣзды восточной

Сорву вѣнецъ я золотой.....

Всечасно дивною игрою

Твой слухъ лелѣять буду я.

Я опущусь на дно морское,

Я полечу за облака,

Я дамъ тебѣ все, все земное -

Люби меня.....

И упоенный страстью рѣчей демонъ изливаетъ жгучее чувство въ поцѣлуяхъ..... Здѣсь демонъ не мститъ, какъ было прежде; ревность почти отсутствуетъ, побѣжденная сильнымъ чувствомъ; тутъ несомнѣнная уступка художника художественному реализму, нежеланіе слѣдовать романтическому шаблону отъ любви къ мстительной ревности, уступка, которая, можетъ быть, продиктована личнымъ переживаніемъ поэта: примиреніемъ съ В.А. Лопухиной - Бахметевой послѣ выхода ея замужъ. Демонъ, какъ счастливый женихъ, спѣшитъ запечатлѣть могучую любовь въ страстныхъ лобзаньяхъ, - но поцѣлуй смертеленъ, и Тамара умираетъ; демонъ остается влюбленнымъ; онъ хочетъ снова владѣть предметомъ страсти; онъ снова противопоставляетъ небесному врагу власть своего я.

Онъ былъ могучъ, какъ вихоръ шумный,
Блисталъ, какъ молніи струя,
И гордо, въ дерзости безумной,
Онъ говорилъ: "она моя."

Но индивидуальное демоническое я терпитъ пораженіе; универсальная любовь Тамары выходитъ побѣдителемъ.

Романтически - таинственный образъ монахини предидущихъ очерковъ замѣненъ теперь прекрасною Тамарой, дочерю сѣдого Гудала; прелесть героини настолько поразительна, что поэтъ съ клятвою подчеркиваетъ:

..... красавица такая

Подъ солнцемъ юга не цвѣла.

Обворожительность Тамары настолько превосходитъ земную условную красоту, что

... если въ демонъ, пролетая, на нее

..... взглянуть,

То, прежнихъ братій вспоминая,

Онъ отвернулся бѣ - и вздохнулъ.....

Итакъ, красота Тамары не умѣщается въ рамки обыденныхъ описаній; она превосходитъ красоту "прежнихъ братій" демона - ангеловъ; какъ и демонъ, Тамара принадлежитъ къ типу сверхчеловѣческихъ персонажей; только ярко выраженный индивидуализмъ, рѣзко бросающееся я демона здѣсь

отсутствует; личность Тамары близка къ представителямъ романтическаго универсализма, понимаемаго въ смыслѣ утопическихъ стремленій къ торжеству идеала истинны, добра и красоты въ общечеловѣческой жизни, хотя и выраженнаго здѣсь въ туманномъ и расплывчатыхъ краскахъ; Тамара не выдвигаетъ силу и власть своей личности, не противопоставляетъ своего я. Какъ героиня неистово-бурнаго романтизма, она захигается любовью отъ звуковъ "чудно новаго голоса", пропѣвшаго ей:

Не плачь, дитя, не плачь напрасно.....

На воздушномъ океанѣ

Лишь только ночь своимъ покровомъ

Верхи Кавказа осѣнить.....

Тогда:

Всѣ чувства въ ней кипѣли вдругъ.

Душа рвала свои оковы.....

Но въ порывахъ страстно заявляющаго я не участвуетъ воля героини.

Святымъ захочетъ ли молиться,

А сердце молится ему;

Утомлена борьбой всегдашней

Склонится ли на ложе сна -

Подушка жжетъ, ей душно, страшно.....

и т. д.

Тамара хочет ступевать прорывающіся нотки собственного эгоизма и страсти; она стремится скрыть заявленія личнаго протеста и удалиться въ уединеніе. . . гдѣ убаюкивающая тишиною и безмолвіемъ обстановка не можетъ уже волновать быстро всплывающее индивидуальное я. Тамара удаляется въ монастырь. Но здѣсь обоятельная страсть любви жжетъ сердце героини.

Все предъ нею онъ стоялъ....

..... тревоженные мечтанья

Опять къ нему обращены....

Только страстное чувство Тамары лишено и тѣни эгоизма; страсть героини чужда обиденныхъ чертъ любви; мысли объ острыхъ переживаніяхъ, необходимо сопутствующихъ страстной любви, не волнуютъ душу Тамары: чувственность отсутствуетъ; она любитъ ради вѣсокихъ завѣтовъ бытія; она хочетъ вернуть людямъ неподдѣльное добро, которое исчезло давно по винѣ сестры героини — Евы; Тамара думаетъ уничтожить зло любовью къ влому демону. Она убѣждена, что чувство демона — воля неба:

Ужели небу я дороже

Всѣхъ незамѣченныхъ тобой.

Искренность чувства Тамары, не дающаго удовольствій для субъекта любви, чувства, преслѣ-

дующаго виѣиндивидуальннх цѣли - общечеловѣческое благо -не подлежить сомнѣнію. Тамара, беззавѣтно вѣрующая въ возможность осуществленія утопической идеи интернаціональной истины, добра и красоты, требуетъ отъ влюбленнаго демона клятвенный обѣтъ отреченія отъ злыхъ стяжаній; какъ героиня романтическихъ поэмъ, она терзается сомнѣніями въ неподдѣльности любви демона.

Клянися, мнѣ.... отъ злыхъ стяжаній,

Отречься нинѣ дай обѣтъ.....

Но индивидуализмъ демона еще слишкомъ силенъ на землѣ, чтобы уступить мѣсто несомнѣнно - универсальнымъ грезамъ романтиковъ. Атмосфера общественности и литературы слишкомъ "индивидуалистична" въ лицѣ Наполеоновъ и Байроновъ, чтобы не препятствовать осуществленію общечеловѣческаго царства виѣ определенныхъ странъ и націй. Только въ "пространствѣ синяго ээира", куда еще не проникалъ эгоизмъ и эгоцентризмъ земныхъ людей, универсальная любовь Тамары побѣждаетъ гордое чувство демона.

..... ангелъ строгими очами

На искуителя взглянулъ,

И, радостно взмахнувъ крылами,

Въ сіяньи неба потонулъ.

И проклялъ демонъ побѣжденный

Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ надменный
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви....

-:-:-:-

ТЕЗИСЫ КЪ РЕФЕРАТУ:

"ПОЭМА "ДЕМОНЪ" И ЕЯ ВАРИАНТЫ".

Романтическіе мотивы въ

- 1/ общественной и
- 2/ литературной жизни,
- 3/ семейной обстановкѣ, окружавшей Лермонтова, и
- 4/ характерѣ поэта.

Лермонтовъ - поэта романтикъ, и перлъ романтическаго творчества поэма "Демонъ". Субъективность содержанія поэмы и объективность манеры творчества поэта.

Первый очеркъ 1829 г. Демонъ - въ прошломъ и настоящемъ; любовь героя; первые проблески романтическаго индивидуализма демона. Монахиня, какъ тускло намѣчающійся типъ въ духѣ романтическаго универсализма.

Второй очеркъ 1830 - 31 г. Чувство демона усиливается; онъ переселяется на землю; ревность и месть демона. Монахиня - испанка; пѣсня героини о возлюбленномъ посланникѣ неба; измѣна героини ангелу ради любви къ демону.

Третій очеркъ 1831 г. не измѣняетъ характеристики героевъ.

Четвертый очеркъ 1833 г. измѣняетъ и нѣсколько сгущаетъ краски; мысли стары.

Пятый и окончательный очеркъ видоизмѣняетъ старую картину любви и мести демона. Мѣсто дѣйствія поэмы - Кавказъ. Демонъ - настоящій представитель романтическаго индивидуализма. Исторія его любви къ Тамарѣ. Отсутствіе прежней мести - уступка автора реализму. Образъ Тамары близокъ къ выразителямъ романтическаго универсализма. Исторія чувства героини къ демону. Крахъ универсализма на землѣ и побѣда на небѣ.

Орловъ Елеазаръ,
студ. - фил. III курса.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПИСЕМЪ МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА.

Изъ всей переписки Михаила Юрьевича Лермонтова которая, надо полагать, было обширна въ виду обширнаго круга его знакомыхъ, приведено въ извѣстность и издано только 39 писемъ. Такое количество ихъ слишкомъ незначительно, и нѣтъ сомнѣнія, что большая часть писемъ, если нѣкоторыя изъ нихъ случайно не будутъ открыты со временемъ, утрачена для насъ навсегда. Одни изъ нихъ, конечно, утратились сами собой; другія, какъ напр., принадлежавшія Маріи Александровнѣ Лопухиной - родственницѣ поэта, были уничтожены ею нарочно; она ихъ сожгла.

"Причиною сожженія", какъ полагаетъ П. А. Висковатый, были нѣкоторыя семейныя тайны, а можетъ быть, и просто вспышка неудовольствія на то, что часть писемъ, нынѣ находящихся въ изданіи сочиненій Лермонтова, попала въ печать противъ воли Марьи Александровны" /Соч. Л-ва, т. VI, стр. 213/. Тѣмъ не менѣе и это незначительное собраніе писемъ Лермонтова очень цѣнно. Какъ документальныя данныя, они уста-

навливаютъ многіе факты изъ его біографіи и рисуютъ намъ внутреннее душевное состояніе поэта въ разныя періоды его жизни. Оно еще больше цѣнно, потому, что Лермонтовъ - человѣкъ вообще скрытный, въ письмахъ является намъ вполнѣ искреннимъ и правдивымъ. Такъ въ письмѣ къ Александрѣ Михайловнѣ Верещагиной онъ пишетъ: "О, дорогая кузина, надо вамъ признаться: причиной того, что не писалъ къ вамъ и *m-elle Marie /Лопухиной/*, былъ страхъ, что вы по письмамъ моимъ замѣтите, что я почти недостойнъ болѣе вашей дружбы, ибо отъ васъ обѣихъ я не могу скрывать истину; отъ васъ, наперсницъ юношескихъ моихъ мечтаній, такихъ чудныхъ, особенно въ воспоминаніи" /перев. т. IV, стр. 401/. I/.

Часть писемъ М.Ю. Лермонтова /къ А.М. Верещагиной и М.А. Лопухиной/ написана по-французски, а остальные на русскомъ языкѣ, при чемъ большинство ихъ датировано точно, другія же опредѣляются только годомъ написанія.

При чтеніи писемъ Лермонтова, получается такое впечатленіе, какъ если бы это была нарочно имъ

I/. Письма цитируются по академическому изданію соч. Лермонтова, томъ IV, стр. 303 - 342; примѣч. къ письмамъ стр. 390-409. Годъ изд. 1911.

написанная автобіографія. Таковъ ихъ общій характеръ. Поэтъ безъ всякой задней мысли рассказываетъ многое о своей жизни, занятіяхъ, думкахъ и настроеніяхъ. Имѣя въ виду такой матеріалъ, постараемся дать очеркъ жизни поэта, на основаніи его собственныхъ словъ, за періодъ, обнимаемый его письмами, восполняя для связи большіе пробѣлы посторонними свѣдѣніями.

Первыя, изъ сохранившихся до насъ писемъ Лермонтова - числомъ 3, относятся ко времени пребыванія его въ Москвѣ въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ, куда онъ поступилъ въ 1828 году для подготовки къ дальнѣйшему образованію въ Московскомъ университетѣ.

Адресованы они были къ Маріи Акимовнѣ Шанъ-Гирей - двоюродной теткѣ поэта. Со страницъ этихъ писемъ вѣетъ на насъ дѣтски-наивной простотой и добросердечностью; видно, что юноша - поэтъ живетъ интересами окружающей его жизни, не чувствуя еще распада съ ней. Непосредственное же содержаніе ихъ даетъ намъ характеристику первыхъ годовъ обученія Лермонтова въ Москвѣ.

Для родныхъ, учащагося мальчика, интересно, конечно, прежде всего то, какъ онъ учится.

И вотъ идя на-встрѣчу такимъ понятнымъ интересамъ, Лермонтовъ въ первомъ письмѣ отъ 1828 г. пишетъ: "Милая Тетенька. Наконецъ наступило то время, которое вы столь ожидаете, но ежели я къ вамъ мало пишу, то это будетъ не отъ моей лѣности, но отъ того, что у меня не будетъ время. Я думаю, что вамъ пріятно будетъ узнать, что я въ русской грамматикѣ учу синтаксисъ, и что мнѣ дадутъ сочинять; я къ вамъ это пишу не для похвалы, но собственно отъ того, что вамъ это будетъ пріятно. Въ географіи я учу математическую по небесному глобусу, градусы, планеты, ходъ ихъ и проч. Прежнее ученіе исторіи мнѣ очень помогло" /т. IV, стр. 303/.

Въ другомъ письмѣ отъ декабря того же года онъ уже даетъ результаты своихъ занятій. "Знаю вашу любовь ко мнѣ я не хочу медлить, чтобы обрадовать васъ: Экзаменъ кончился и ваканція началась до 8 января; слѣдовательно она будетъ продолжаться 3 недѣли. Испытаніе наше продолжалось отъ 13-го до 20-го числа. Я вамъ посылаю баллы /вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи была приложена отдѣльно/, гдѣ вы увидите, что г-нъ Дубенскій поставилъ 4 рус. и 3 лат.; но онъ продолжалъ мнѣ ставить 3 и 2 до самого экзамена, вдругъ какъ-то сжалился и

наканунѣ переправилъ, что произвело меня вторымъ ученикомъ" /т. IV, стр. 303-304/. Кругъ предметовъ, изучаемыхъ Лермонтовымъ былъ не великъ, всего 8 и, судя по отмѣткамъ, онъ училъ ся хорошо.

Рядомъ съ умственнымъ образованіемъ шло и художественное развитіе Лермонтова. Въ пансіонѣ, гдѣ вообще обращали вниманіе на развитіе эстетическаго вкуса въ воспитанникахъ, онъ обучается рисованію. Въ этой области Лермонтовъ самъ отмѣчаетъ свои успѣхи. "Заставьте позалуйста Екина", пишетъ онъ къ теткѣ, "рисовать контуры; мой учитель говорить, что я еще буду ихъ рисовать съ полгода; но я лучше сталъ рисовать, однакожъ мнѣ запрещено рисовать свое" /т. IV - 303/. Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: "Паленька сюда пріѣхалъ, и вотъ уже двѣ картины извлечены изъ моего portefeuille слава Богу, что такими любезными мнѣ руками..... Скоро я начну рисовать съ / buste / бюстовъ.... Какое удовольствіе. Къ тому-жъ Александръ Степановичъ мнѣ показывалъ также какъ должно рисовать пейзажи" /т. IV, стр. 304/. Въ цитированномъ сейчасъ письмѣ Лермонтовъ отмѣчаетъ дальше еще одну характерную черту, какъ въ отношеніи себя, такъ и всего заведенія съ его представи-

телями. Надо замѣтить, что по традиціи, сохранившейся со времени Н.И.Новикова, въ пансіонѣ особенно процвѣтали между воспитанниками занятія литературою. Воспитанники собирались на общее чтеніе, издавался рукописный журналъ, въ которомъ многіе изъ нихъ, и, конечно, Лермонтовъ принимали участіе. Среди ученическихъ литературныхъ опытовъ попадались и довольно хорошіе, такъ что у инспектора заведенія Павлова явилась мысль издавать журналъ и въ немъ помѣщать лучшія изъ такихъ работъ. "Я продолжалъ подавать сочиненія мои Дубенскому", говоритъ онъ, "а Геркулеса и Птометея взялъ инспекторъ, который хочетъ издавать журналъ "Калліпу"/подражая мнѣ.../, гдѣ будутъ помѣщаться сочиненія воспитанниковъ. - Каково вамъ покажется? Павловъ мнѣ подражаетъ, перенимаетъ.... у меня... стало быть.... стало быть..... но выводите заключенія, какія вамъ угодно" /т. IV, стр. 304/. Заключение напрашивается само собою. Съ одной стороны - Лермонтовъ принималъ живѣйшее участіе въ изданіи школьнаго журнала, и можетъ быть, состоялъ, такъ сказать, его редакторомъ, иначе онъ не говорилъ бы о подраженіи, съ другой - онъ уже тогда сознавалъ въ себѣ могучія дарованія и въ частности литературный талантъ.

Какъ бы въ доказательство этого онъ заканчиваетъ письмо свое къ теткѣ своимъ же стихотвореніемъ "Поэтъ":

"Когда Рафаэль вдохновенный

Пречистой Дѣвы ликъ священный

Живою кистью окончалъ,

Своимъ искусствомъ восхищенный

Онъ передъ картиною упалъ" и т. д.

/Акад. изд. соч. т. I, -3/.

14-ти лѣтъ, по собственному признанію Лермонтова, онъ и "началъ марать стихи" /Черн. тет. II3/ Въ этотъ же періодъ времени у Лермонтова развивается интересъ къ театру, отразившійся отчасти и въ его произведеніяхъ. Ему нравился драматическій видъ творчества. Онъ не только посѣщаетъ театръ /видѣлъ представленіе оперы "Невидимки", драмы "Игрока", трагедіи "Разбойники"/, но и самъ устраиваетъ театръ маріонетокъ, о чемъ онъ пишетъ своей теткѣ въ первомъ письмѣ: "мы сами дѣлаемъ театръ, который довольно хорошо выходитъ, и будутъ восковыя фигуры играть /сдѣлайте милость, пришлите мои воски" /т. IV, стр. 303/. Отсюда мы видимъ, какъ Лермонтовъ свидѣтельствуетъ о своемъ воспитаніи; оно было разносторонне; всѣ виды искусства /Висковатый говоритъ и о музыкальномъ

образованіи/ культивировались въ немъ, и только потомъ литературный талантъ взялъ надъ ними верхъ и создалъ ему славу поэта. Остановимся еще на одной автобіографической подробности, брошенной поэтомъ какъ бы вскользи. Радость, съ какою Лермонтовъ говоритъ о приѣздѣ своего отца /стр.7/, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ питалъ глубокое сыновнее чувство къ отцу. Судьба, можно сказать, съ колыбели разлучила М.Ю.Лермонтова съ отцомъ, и они видѣлись между собою только урывками, но это ни сколько не охладило ихъ взаимного чувства. Ревнивая любовь бабушки поэта къ своему внуку, деспотически завладѣвшей имъ, оставляла отца, какъ бы въ тѣни, въ пренебреженіи; создавалась натянутость отношеній, а потомъ и окончательная ссора ихъ между собой. Все это составляло предметъ жизненной драмы для Лермонтова, отразившейся потомъ и въ его произведеніяхъ драмахъ: "Menschen und Leidenschaften" и "Странный человѣкъ". Быть можетъ, подъ вліяніемъ этихъ перипетій, Лермонтовъ пишетъ, будучи уже студентомъ университета, своему другу Н.И.Поливанову: "Любезный другъ, здравствуй. Протяни руку и думай, что она встрѣчаетъ мою; я теперь сумасшедшій свсѣмъ мы съ тобой не для

свѣта созданы ; я не могу тебѣ много писать: боленъ, разстроенъ, глаза каждую минуту мокры. Source intarissable. Много со мной было" /т. IV стр.305/. А въ это приблизительно время сильно обострились отношенія бабушки и отца Лермонтова.

Мы коснулись письма Лермонтова - уже студента университета, каковымъ онъ сталъ съ 21-го августа 1830 года и пробникъ : въ немъ въ теченіи двухъ лѣтъ. Отъ этого времени сохранилось еще одно письмо его къ той же теткѣ М.А.Шанъ-Гирей, но характернаго чего-либо оно не даетъ. Въ немъ Лермонтовъ вступается за честь Шекспира, котораго, судя по письму, прочелъ въ подленикѣ. "Начну съ того, что имѣете вы переводъ не съ Шекспира, а переводъ перековерканной піесы Дюсиса, который чтобы удовлетворить приторному вкусу французовъ, не умѣющихъ обнять высокое, и глупымъ ихъ правиламъ перемѣнили ходъ трагедіи и выпустили множество характеристическихъ сценъ; эти переводы, къ сожаленію, играютъ у насъ на театрѣ ваше письмо меня воспламенило: какъ обижать Шекспира.- Мнѣ здѣсь довольно весело:" заканчиваетъ онъ письмо, "почти каждый вечеръ шабашъ . - Но великимъ поэтомъ я ужъ совсѣмъ засяду

Въ университетѣ не идетъ хорошо" /томъ IV, стр. 306-307/. Вообще университетскій періодъ жизни Лермонтова мало освѣщенъ фактическими данными, мало говоритъ и онъ самъ.

Неблагопріятныя обстоятельства, сложившіяся для Лермонтова подъ конецъ второго года, заставили его подать прошеніе объ увольненіи изъ Московскаго университета, откуда онъ намѣревался поступить въ Петербургскій. Но это ему не удалось, такъ какъ университетъ отказался зачесть ему годы пребыванія въ Москвѣ, и Лермонтовъ въ 1832 году поступаетъ въ школу гварденскихъ юнкеровъ. Причину такого неожиданнаго оборота дѣла Лермонтовъ объясняетъ самъ въ письмѣ къ М. А. Верецагиной: "Несправедливая и легковѣрная женщина. - /замѣтьте, что я имѣю полное право такъ называть васъ, милая кузина/ Вы повѣрили словамъ и письму молодой дѣвушки, не подвернувъ ихъ критикѣ. ~~Annette~~ говоритъ, что она никогда не писала, что у меня была исторія, но что мнѣ не зачли годы пребыванія въ Москвѣ, какъ это сдѣлали многимъ другимъ, потому что ввели реформу во всѣ университеты, и я опасаясь, что Алексису /Допухину/ тоже придется пострадать, ибо прибавляютъ еще годъ къ тремъ невосимымъ годамъ" /перев. съ франц. т. IV, стр. 394/. Последнія слова письма даютъ

намъ понять отношеніе Лермонтова къ университельской наукѣ. Такъ могъ выразиться человѣкъ, получившій къ ней отвращеніе, и это потому, что Лермонтовъ видѣлъ въ ней преграду къ свободѣ. Параллельная мысль выражена имъ и въ стихотвореніи: "Узникъ", вариантъ котораго отъ 1832 года читается такъ:

"Отворите мнѣ темницу,

Дайте мнѣ сіяніе дня.

Черноглазую дѣвицу,

Черногриваго коня.

Я пушусь по дикой степи

И надменно сброшу я

Образованности цѣпи

И вериги бытія" / т. I, стр. 22/.

Однако, не смотря на презрительность къ "цѣпямъ образованности" Висковатый считаетъ Лермонтова главнымъ образомъ питомцемъ Московскаго университета: "Здѣсь впервые развернулся талантъ Лермонтова", говоритъ онъ, "и положено основаніе всѣмъ лучшимъ его произведеніямъ, выполненнымъ уже позднѣе. Передъ этимъ временемъ тяжелой борьбы для Лермонтова, передъ этимъ временемъ честнаго развитія мысли поэта, ничего не значать два года пребыванія его въ "школахъ подпрапорщиковъ". "Прервали они нить развитія

лучшихъ сторонъ въ немъ, сказавшихся во время пребыванія въ Московскомъ университетѣ, и отвлекли его отъ прежнихъ стремленій и идеаловъ. Самъ Лермонтовъ это чувствовалъ и произнесъ приговоръ свой" /Соч. Лерм. т. VI, -142/.

Со времени переѣзда въ Петербургъ и приблизительно до первой ссылки поэта на Кавказъ идетъ цѣлый рядъ писемъ, въ которыхъ преимущественно раскрывается душевный міръ поэта, нравственныя муки и пытки переживаемыя имъ, думы о мірѣ и о смыслѣ жизни въ немъ. Но въ дѣйствительности жизнь поэта протекала далеко не такъ, какъ онъ думалъ. Думы и дѣла были противоположны между собой; Лермонтовъ здѣсь постоянно двоился. Воступивъ въ число воспитанниковъ школы гвардейскихъ кавалерійскихъ юнкеровъ, Лермонтовъ почувствовалъ себя въ новой обстановкѣ не совсѣмъ хорошо. Прежде всего такимъ, можно сказать, вызывающимъ поступкамъ противъ прошлаго, онъ сжигалъ свои прежніе корабли - мечты о литературномъ поприщѣ. Мысль объ этомъ служеніи жила и привлекала Лермонтова, если мы припомнимъ еще его желаніе раздѣлить славу и участь своего перваго вдохновителя - хорда Байрона. И если поэтъ рѣшался на этотъ шагъ, то не безъ борьбы. Извѣщая своего постоянного друга

М.Ю.Лопухину о новой карьерѣ, онъ такъ говорить: "Не могу представить себѣ, какое впечатлѣніе произведетъ на васъ моя важная новость; до сихъ поръ я жилъ для литературной карьеры, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному кумиру и вотъ теперь я - воинъ. Быть можетъ, это особенная воля Провидѣнія; быть можетъ этотъ путь кратчайшій, и если онъ не ведетъ меня къ моей первой цѣли, можетъ быть, не приведетъ ли онъ меня къ послѣдней цѣли всего существующаго: умереть съ пулею въ груди нисколько не хуже, чѣмъ умереть отъ медленной агоніи старости" /перев. съ франц. т. IV, - 395/

Оправдывая послѣдними словами свой поступокъ въ глазахъ М.А.Лопухиной, онъ уже нисколько не скрываетъ своей горечи, когда пишетъ объ этомъ же А.М.Верещагиной: "Теперь, конечно, вы уже знаете, судариня, что я поступаю въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ.... Если бы вы могли ощутить все горе, которое мнѣ это причиняетъ, - вы бы пожалѣли обо мнѣ. Не брадите же, а утѣшайте, если у васъ есть сердце" /перев. съ франц. т. IV, стр. 394/. Во-вторыхъ военная школа со своими "тѣсными куртками", "маршировками", "парадировками" еще сильнѣе сдавила свобододолюбовую натуру Лермонтова. Гнетъ школы

непониманіе окружающими его лучшихъ чувствъ рождали въ поэтѣ внутреннее недовольство, тоску, старательно скрываемаго отъ постороннихъ; это въ свою очередь создавало внутреннее одиночество. Поэтъ походилъ на улитку, которая моментально скрывается въ своей раковинѣ, когда ей касалось постороннее тѣло. Онъ, какъ бы стѣсняется даже, открывать предъ непосвященными свою душу. Интересно въ этомъ отношеніи замѣчаніе В.Г.Бѣлинскаго, посѣтившаго поэта на гауптвахтѣ, гдѣ онъ сидѣлъ по дѣлу за дуэль съ де-Барантомъ; передавая искренній разговоръ съ нимъ, онъ въ концѣ восклицаетъ: "А вѣдь чудакъ! Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя хотя на минуту быть самимъ собою, - я увѣренъ въ этомъ" /Панаевъ. Лит.Восп. т. I, стр. 178/. Наружне Лермонтовъ былъ такимъ же, какъ и всѣ, лихимъ юнкеромъ, не отстававшимъ отъ прочихъ ни въ шалостяхъ, ни въ отвагѣ. Одна изъ такихъ отвагъ, въ которыя отливался избытокъ энергіи, чуть не стоила поэту жизни. Онъ на манажѣ получилъ ушибъ ноги и долго проболѣлъ. Лопухиной М.А. онъ пишетъ объ этомъ такъ: "Надѣюсь, вамъ пріятно будетъ узнать, что я, пробывъ въ школѣ всего два мѣсяца, выдержалъ экзаменъ въ пер-
Рефер. по изуч. Лермонтова. Листъ 7-ой.

вый классъ, и теперь одинъ изъ первыхъ . "Это все - таки подаетъ надежду на близкую свободу". /перев. съ франц. т. IV, стр. 396/.

Къ разочарованію въ школѣ присоединились и разочарованіе поэта Петербургомъ и петербургскимъ обществомъ. Первый онъ ^{такъ} описываетъ въ стихотворномъ письмѣ къ Софьѣ Александровнѣ Бахметевой:

"Увы! какъ скученъ этотъ городъ

Съ своимъ туманомъ и водой....

Куда не взглянешь, красный воротъ

Какъ шипъ торчитъ передъ тобой;

Нѣтъ милыхъ сплетенъ - все сурово,

Законъ сидитъ на лбу людей;

Все удивительно и ново,

А нѣтъ не пошлыхъ новостей!

Доволенъ каждый самъ собою,

Не беспокоясь о другихъ,

И что у насъ зовутъ душою

То безъ названія у нихъ" /т. IV, ст. 310/.

Непривѣтливость петербургской природы не страшитъ даже присутствіе моря, о которомъ мечтаетъ поэтъ:

"Наконецъ я видѣлъ море,

Но кто поэта обманулъ.....

Въ роковомъ его просторѣ

Великихъ думъ не почерпнулъ". /ibid /.

Второе Лермонтовъ такъ характеризуетъ въ письмѣ къ Лопухиной: "Назвать вамъ, у кого я бываю. Я самъ та особа, у которой бываю съ наибольшимъ удовольствіемъ. Правда, по приѣздѣ, я навѣщалъ довольно часто родныхъ, съ которыми мнѣ слѣдовало познакомиться, но въ концѣ концовъ я нашелъ, что лучшей мой родственникъ - это я самъ. Видѣлъ я образчики здѣшняго общества: дамъ очень любезныхъ, молодыхъ людей очень вѣжливыхъ; всѣ они вмѣстѣ производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, очень тѣснаго и простаго, но въ которомъ въ первый разъ можно заблудиться, потому что ножницы хозяина уничтожили всякое различіе между деревьями." /перев. съ франц. т. IV, ст. 392/. Однимъ словомъ, Петербургъ встрѣтилъ Лермонтова непривѣтливо; онъ не нашелъ здѣсь друзей, а старые остались въ Москвѣ; поэтому, когда онъ встрѣчалъ кого либо приѣхавшаго отсюда, то приходилъ въ восторгъ. "Москва моя родна, восклицаетъ онъ, и такою будетъ для меня всегда: тамъ я родился, тамъ много страдалъ; и тамъ же былъ слишкомъ счастливъ" /письмо къ Лопух. перев. съ франц. т. IV, стр. 393/. Въ этомъ взрывѣ восторга Лермонтовъ выразилъ все значеніе для него Москвы; въ краткой, но глубокой по содержанію, формѣ,

онъ характеризуетъ весь періодъ своей жизни въ Москвѣ, наполненный страданіями и юношескими увлеченіями поэта, дополняя сказанное объ этомъ періодѣ раньше.

Въ неблагоприятной обстановкѣ петербургской жизни и творчество Лермонтова проявляется, мнѣ интензивно. Задуманныя и начатыя имъ въ Москвѣ произведенія оставались недоконченными.

Въ письмѣ къ М.А.Лопухиной онъ говоритъ: "Пишу мало, читаю не больше, мой романъ - сплошное отчаяніе- я перерылъ всю свою душу, чтобы добыть изъ нея все, что только способно обратиться въ ненависть, и въ безпорядкѣ излилъ все это на бумагу. Читая, вы бы пожалѣли меня".

/перев. съ франц. т. IV, стр. 392/.

Произведеніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь - была неоконченная Лермонтовымъ повѣсть "Вадимъ".

Это замѣчаніе поэта интересно въ томъ отношеніи, что бросаетъ свѣтъ на характеръ его творчества, - характеръ слишкомъ субъективный, а въ данномъ случаѣ даже автобіографическій. Эту мысль подтверждаютъ и другія слова изъ письма къ Свѣтлѣ Раевскому: "Романъ, который мы съ тобой начали, затянулся и врядъ ли кончится, ибо обстоятельства, которыя составляли его основу, перемѣнились, а я, знаешь, не могу въ этомъ случаѣ

отступить отъ истины" /т. IV, ст. 333/. Тутъ уже Лермонтовъ говорить о романѣ "Княгиня Лиговская", въ которомъ также нельзя не признать много автобіографическаго.

Совокупность разныхъ непріятностей, обступившихъ Лермонтова съ переѣздомъ въ Петербургъ и поступленіемъ въ юнкерскую школу, сразу понижаетъ его самочувствіе; у него начинаются душевные перебои. Поэтъ ищетъ впечатлѣній и въ то же время ловить себя на мысли, что "преглупое состояніе человѣка, когда онъ принужденъ занимать себя, чтобы жить, какъ занимали придворные старыхъ королей; быть своимъ шутомъ.....Какъ послѣ этого не презирать себя, не потерять довѣренности, которую имѣлъ къ душѣ своей", пишетъ онъ къ С. А. Бахметевой /т. IV, стр. 307-308/. Если поэта терзаетъ такое сознаніе, что онъ кончитъ жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, у него ослабѣваетъ и самый интересъ къ жизни: "Странная вещь. говорить онъ той же особѣ; "Только мѣсяць тому назадъ написалъ:

"Я жить хочу. хочу печали,

Любви и счастья на зло;

Они мой умъ избаловали

И слишкомъ сгладили чело.

Пора, пора насмѣшкамъ свѣта

"Прогнать спокойствія туманъ;

Что безъ страданій жизнь поэта.

И что безъ бури океанъ".

И пришла буря и прошла буря; и океанъ замерзъ, но замерзъ съ поднятыми волнами, храня театраль- ный видъ движенія и безпокойства, но въ самомъ дѣлѣ мертвѣе, чѣмъ когда нибудь" / *ibid* /. Вы- стѣ съ общимъ пониженнымъ состояніемъ, съ упад- комъ жизненной энергіи дремлютъ и гаснутъ поэти- ческія силы и фантазія поэта. Дума поэта безъ "страданій", безъ "страстей", безъ "вдохновеній мирныхъ" уже не его душа. Лермонтовъ не можетъ далѣе подыскать причины, почему "поэзія души его погасла". Въ письмѣ къ С.А.Бахметевой, задавая себя этотъ вопросъ, пишетъ дальше:

"По произволу дивной власти

Я выкинуть изъ царства страсти,

Какъ послѣ бури на песокъ

Волной расшибленный челнокъ.

Пускай приливъ его ласкаетъ,

Не слышитъ ласки инвалидъ:

Свое безсиліе онъ знаетъ

И притворяется, что спитъ" и т.д. /т. IV, 310.

Для того, чтобы постоянно поддерживать въ дугѣ священный огонь поэзіи, для поэта нужно новыхъ

впечатлѣній; но коль скоро ихъ нѣтъ - поэтъ становится безсильнымъ; при повышенной душевной организаціи онъ многое переживаетъ раньше другихъ, а затѣмъ становится старикомъ среди равныхъ, которые уже не могутъ понять его.

"Я жилъ, я слишкомъ скоро созрѣлъ, и будущее не даетъ новыхъ впечатлѣній" говорить Лермонтовъ въ письмѣ къ М.А.Лопухиной.

"Какъ сочный плодъ, до времени созрѣлый,
Между цвѣтовъ виситъ осиротѣлый;
Ни вкуса онъ не радуетъ, ни глазъ,
И часъ ихъ красоты - его паденья насъ!...

.....

Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хотъ съ ней не дѣлится душою;
Онъ межъ людьми ни рабъ, ни властелинъ,
И все, что чувствуетъ - онъ чувствуетъ
одинъ". /т. IV, ст. 307/.

А между тѣмъ поэтъ желаетъ бы быть "синею волною" и, какъ она, шумно и свободно катиться по безбрежному морю, нигдѣ не встрѣчая преградъ, никому ни въ чемъ не завидуя, давая пріютъ и покой такимъ же страдальцамъ, какъ онъ /Стих". изъ письма къ Лопухиной т. IV, стр. 312/.

Въ тѣ минуты, когда прекрасные мечты поэта разру

шались соприкосновеніемъ съ жизнію, а она въ свою очередь представлялась юною пустынею, его посѣщали безотрадныя думы: "къ чему лишнія страданія, когда всѣмъ предстоитъ одинъ удѣлъ:

"Конецъ! какъ звучно это слово!

Какъ много - мало мыслей въ немъ.

Послѣдній стонъ - и все готово,

Безъ дальнихъ справокъ... а потомъ?

Потомъ васъ чинно въ гробъ положить,

И черви вамъ скелетъ обгложать;

А тамъ наслѣдникъ въ добрый часъ

Придавить монументомъ васъ" и т.д.

/ пись. къ Лопух. ст. 312/.

Окончательно придти къ такому выходу поэту мѣшала раздвоенность его сознанія, такъ какъ въ другомъ письмѣ къ той же особѣ онъ пишетъ:

"Странная вещь эти сны! Другая сторона жизни, и часто лучшая, нежели дѣйствительная жизнь.

Вѣдь я вовсе не раздѣляю мнѣнія, будто жизнь есть сонъ; я вполнѣ осязательно чувствую ея дѣйствительность, ея мнящую пустоту. Я никогда не могу отрѣшиться отъ нея настолько, чтобы отъ всего сердца презирать ее, потому, что жизнь моя - я самъ, я, говорящій теперь съ вами и могущій вмигъ обратиться въ ничто, въ одно имя, т.е. опять таки въ ничто. Богъ знаетъ,

будетъ ли существовать это я послѣ жизни.

Страшно подумать, что настанетъ день, когда я не смогу сказать. я. При этой мысли весь міръ есть ничто иное, какъ грязь" /перев. съ франц. т. IV стр. 397-394/. На ряду съ такими мыслями внѣшняя жизнь Лермонтова, проходившая "въ забавахъ суетнаго свѣта", оказывала на него свое дѣйствіе. Онъ замѣтно для себя втягивался въ тину мелочности, пошлости и пустоты жизни. Дѣйствіе ея было настолько сильно, что Лермонтовъ въ безсиліи останавливается предъ вопросомъ: какимъ путемъ ему идти?

"Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ къ вамъ", обращается онъ къ Лопухиной, "со мной случилось такъ много странныхъ обстоятельствъ, что я право не знаю, какимъ путемъ придется идти мнѣ, путемъ порока или глупости. Правда, оба эти пути часто приводятъ къ той же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщевать, постараетесь утѣшать меня - было бы напрасно. Я счастливѣе чѣмъ когда - либо, веселѣе любого пьяницы, распѣвающего на улицѣ. Васъ коробитъ отъ этихъ выраженій; но увы! "скажи, съ кѣмъ ты водишься - и я скажу, кто ты." /перев. съ франц. т. IV, 397/ Тѣмъ не менѣе, Лермонтовъ поддавшись жадѣ

ли свободы, или дѣйствительно, желалъ потопить въ своей душѣ лучшіе запросы, но только онъ черезъ нѣкоторое время послѣ этого письма, пишетъ той же Лопухиной: "Мы возвратились въ городъ /изъ лагеря/ и скоро опять начнутся наши занятія. Одно меня ободряетъ - мысль, что черезъ годъ я офицеръ. И тогда, тогда.... Богъ мой! Если бы вы знали, какую жизнь я намѣренъ вести! О, это будетъ восхитительно! Во-первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете; но увы! пора моихъ мечтаній миновала; нѣтъ больше вѣры; мнѣ нужны чувственины наслажденія, счастье осязательное, такое счастье, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его съ собою въ кафтанѣ, какъ табакерку, чтобы оно только обольщало мои чувства, оставляя въ покоѣ и бездѣйствіи мою душу.... Вотъ что мнѣ теперь необходимо, и вы видите, милый другъ, что съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я таки нѣсколько перемѣнился. Какъ скоро я замѣтилъ, что прекрасныя грезы мои разлетаются, я сказалъ себѣ, что не стоитъ создавать новыхъ; гораздо лучше, подумалъ я, приучить себя обходиться безъ нихъ. Попробовалъ и походилъ въ это время на цыгана, старающагося несемногу отвыкать отъ вина: труды мои не были бесполезны, и вскорѣ

прошлое представилось мнѣ просто программой незначительныхъ и весьма обыкновенныхъ поведеній. Но поговоримъ о другомъ". Но въ концѣ снои ва обращается къ прежнему: "Предупреждаю васъ, что я не тотъ, какимъ былъ прежде: и чувствую и говорю иначе, и Богъ вѣдаетъ, что изъ меня еще выйдетъ черезъ годъ. Моя жизнь до сихъ поръ была рядомъ разочарованій, теперь они смѣшны мнѣ, и я смѣюсь надъ собой и надъ другими" /перев. съ франц. т. IV, стр. 397-399/. Намѣреніемъ въ будущемъ повести такую жизнь, Лермонтовъ дѣлаетъ, какъ бы вынужденный выходъ изъ тягостнаго положенія: внутренней душевной борьбы и самыхъ условій жизни, выходъ, нельзя сказать, достойный поэта. Но надо принять во вниманіе цѣною какихъ и сколькихъ страданій онъ вызванъ. Вѣдь постояннымъ самоанализомъ своихъ чувствъ,ковырніемъ въ своей душѣ Лермонтовъ надобѣл самому себѣ и чувствовалъ, какъ это тягостно для другихъ; онъ хочетъ говорить съ друзьями о чемъ либо другомъ и невольно возвращается къ тому же; снова говорить о себѣ. Поэтому - это замѣчательное письмо вмѣстѣ съ мечтами будущаго кавалериста, представляетъ тамъ я главу къ страдальческой повѣсти.

Мятущійся духъ Лермонтова не могъ успокоиться

ни на чемъ; онъ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, бросается изъ одного угла въ другой; отъ одной мысли переходитъ къ другой; то его терзаетъ мысль о своемъ ничтожествѣ - и жизнь ему становится не мила, то онъ привязанъ къ ней и ищетъ забвенія тамъ, гдѣ искать его тщетно. Однимъ словомъ, тревожное состояніе души поэта напоминаетъ вѣчно " бурное, которое, какъ бы постоянно чѣмъ то недовольное, безконечно волнуется и ищетъ успокоенія, но нигдѣ не находитъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Лопухиной отъ сентября 1832г. онъ помѣстилъ стихотвореніе "Парусъ", послѣднія слова котораго выражаютъ все состояніе души поэта:

"А онъ, мятежный, просить бури,

Какъ будто въ буряхъ есть покой".

/т. IV, стр. 314/.

22 ноября 1834 года кончилась юнкерская жизнь Лермонтова. "Двухъ страшныхъ лѣтъ, какъ не бывало" /Письмо къ Лоп. 397/. Теперь онъ корнетъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка; впереди свобода и широкая дорога. Какъ же онъ вступилъ на эту дорогу. По письмамъ отъ этого времени, видно, что онъ ведетъ жизнь "блистательную на видъ", но въ душѣ его продолжаетъ жить прежнее настроеніе.

"Я теперь бываю въ свѣтѣ, для того чтобы меня знали, для того чтобы доказать, что я способенъ находить удовольствіе въ хорошемъ обществѣ", пишетъ онъ черезъ мѣсяцъ послѣ производства въ офицеры своему другу - Лопухиной /перев. съ фр. т. IV, стр. 399/. Изъ чувства самолюбія, не позволяющаго отставать отъ стаи свѣтскихъ баловней, Лермонтовъ стремится въ свѣтъ, хотя и не находитъ тамъ удовольствія, и доступъ въ который не для всѣхъ былъ открытъ. Многіе аристократическіе дома были для него недоступны и этому мѣшало отсутствіе у него родовитой фамиліи; съ другой стороны - онъ не могъ заинтересовать и своею наружностью, о которой современники отзывались не въ его пользу. Таковы отзывы графини Ростопчиной, Из. Серг. Тургенева и нѣкоторыхъ другихъ. Все это тревожило самолюбиваго юношу, желавшаго во что бы не стало обратить на себя вниманіе высшаго общества. Что касается своей родословной, незнатность которой причиняла обиду его отцу и собственному самолюбію, то Лермонтовъ старается защитить ее и указывалъ на древность своихъ предковъ, выходцевъ изъ Шотландіи.

Здѣсь мы должны обратить вниманіе на одну незамѣтную черту въ его письмахъ, касающуюся даннаго вопроса. Лермонтовъ часто подписывался

подъ своими письмами "Летта" и "Дермантовъ"
 /через "а"/ и ставилъ это въ связь съ семейнымъ
 преданіемъ о происхожденіи своей фамиліи отъ
 имени владѣтельнаго испанскаго герцога Лермы.
 другимъ доказательствомъ такого преданія, яв-
 ляющаго воображеніе Лериситова, служить упоми-
 наніе про "знаменитую долову"/въ письмѣ къ Лопе/
 которую еще не стерли со стѣны. "Жалкое само-
 любіе." говоритъ онъ, "Это меня обрадовало, да
 еще какъ. Что за глупая страсть: оставлять
 вездѣ слѣды своего пребыванія. Мысль человѣку,
 хотя бы самую возвышенную, стоитъ ли отпечат-
 лѣвать въ предметѣ вещественномъ, изъ - за
 того только, чтобъ сдѣлать ее понятною душѣ
 немногихъ" /перев. съ франц. т. IV, стр. 393/.
 Это былъ поясной портретъ вѣроятно воображае-
 маго предка - испанца /Висков. т. VI-57/. Но об-
 щество, конечно, было глухо къ такимъ фантасти-
 ческимъ экскурсіямъ въ прошлое поэта, и пото-
 му ему приходилось изыскивать другія средства.
 Тогда онъ ищетъ успѣха у женщинъ. "Вступая въ
 свѣтъ", пишетъ Лермонтовъ А. М. Верещагиной,
 "я увидѣлъ, что у cadaго былъ какой нибудь
 пьедесталъ: хорошее состояніе, имя, титулъ,
 связи.... Я увидѣлъ, что если мнѣ удастся за-
 нять собою одно лицо, другія незамѣтно тоже

займутся мною, сначала изъ любопытства, а потомъ изъ соперничества" /перев. съ франц. т. IV, ст. 400/

Такой опытъ былъ продѣланъ и Лермонтовъ оказался правъ. Эпизодъ этотъ рассказанъ имъ въ письмѣ къ вышепоименованной особѣ. При выходѣ въ офицеры Лермонтовъ встрѣтился съ предметомъ прежнихъ юношескихъ увлеченій - Ек. Ал. Сушковой, которая тогда не обращала вниманія на поэта. Теперь же она была не прочь отвѣтить тѣмъ же на новое ухаживаніе его. Просто говоря, она сама стала его замскивать. Лермонтовъ же, исся за прежнія обиды, скомпрометировалъ ее въ глазахъ общества. Ухаживая за ней, онъ распускалъ въ обществѣ невыгодныя для нея слухи, сталъ жестокъ, дерзокъ и т.п. Въ концѣ концовъ онъ порвалъ всякія отношенія съ ней, а самъ сдѣлался предметомъ любопытства. Заканчивая этотъ рассказъ, Лермонтовъ говоритъ: "Итакъ, вы видите, я хорошо отомстилъ за слезы, которыя меня заставляло проливать пять лѣтъ тому назадъ кокетство m-lle S O, мы еще не расквитались! Она мучила сердце ребенка, а я только подвергъ попыткѣ самолюбіе старой кокетки, которая, можетъ быть, еще ближе, но во всякомъ случаѣ я въ выигрышѣ: она мнѣ сослужила службу" /перев. съ фр. т. IV - 401/.

Такой неблаговидный поступокъ, недостойный поэта, въ которомъ онъ, однако, нисколько, не оправды-

ваетъ себя, былъ данью времени, своему тщесла-
вію, самолюбію и предрассудкамъ общества. Но
поэтъ не весь здѣсь. Такимъ былъ Лермонтовъ въ
салонахъ и гостинойхъ. Въ уединеніи отъ нихъ,
онъ продолжаетъ терзанія надъ мыслію о своемъ
ничтожествѣ, о растрачиваніи богатыхъ душевныхъ
силъ по пустякамъ; душа требуетъ болѣе серіоз-
ныхъ интересовъ и разумнаго приложенія силъ къ
творчеству жизни, а тѣмъ временемъ у поэта ниче-
го не сдѣлано и это становится источникомъ но-
выхъ мукъ. Однимъ словомъ въ поэтѣ продолжается
двойственное настроеніе, характерное для мно-
гихъ великихъ людей его времени. Съ этою душев-
ною болью, онъ обращается за утѣшеніемъ къ свое-
му вѣрному другу - М.А.Допухиной: "Милый другъ!
Чтобы ни случилось, я никогда не назову васъ
иначе; это значило бы порвать послѣднія нити,
связующія меня съ прошлымъ, а этого я не хотѣлъ
бы ни за что на свѣтѣ, такъ какъ моя будущность,
блистательная на видъ, въ сущности, пошла и пу-
ста. Долженъ вамъ признаться, съ каждымъ днемъ я
все больше убѣждаюсь, что изъ меня никогда ниче-
го не выйдетъ: со всѣми моими прекрасными мечта-
ніями и ложными шагами на жизненномъ пути; мнѣ
или не представляется случая, или не достаетъ
рѣшимости. Мнѣ говорятъ, что случай когда - ни-
будь выйдетъ, а рѣшимость пріобрѣтается време-

немъ и опытностью!..... А кто порукою, что, когда все это будетъ, я сберегу въ себѣ хоть частицу пламенной, молодой души, которою Богъ одарилъ меня весьма не кстати, что моя воля не истощится отъ выжиданія, что, наконецъ, я не разочаруюсь во всемъ томъ, что въ жизни служить двигающимъ стимуломъ. Такимъ образомъ и начинаю письмо исповѣдью, право, безъ умысла! Пусть же она мнѣ послужитъ извиненіемъ! вы увидите, по крайней мѣрѣ, что если характеръ мой измѣнился, сердце осталось тоже", /перев. съ франц. т. IV, стр. 398/.

Изъ всего сказаннаго доселѣ, насколько это можно заключать изъ писемъ, видно, какъ жилъ, и что чувствовалъ М. Ю. Лермонтовъ до того момента, когда разнеслась роковая вѣсть о смерти А. С. Пушкина.

Это событіе, взволновавшее все мыслящее общество, громомъ поразило преемника его славы. Лермонтовъ въ стихахъ: "На смерть Пушкина" съ сарказмомъ обрушился на свое общество, считая его главнымъ виновникомъ гибели нашего генія. Въ нихъ увидѣли небывало-дерзкое оскорбленіе всего общества и, Богъ знаетъ, еще что, за что онъ поплатился ссылкой на Кавказъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Распространителю Рефер. по изуч. Лермонт. Листъ 8-ой.

этихъ стиховъ, другу Лермонтова Св. Ае. Раевскому пришлось пострадать вмѣстѣ съ поэтомъ. На допросѣ поэтому дѣлу Лермонтовъ назвалъ своего друга, и такъ послѣ писалъ ему: "Я сначала не говорилъ про тебя, но топомъ меня стали допрашивать отъ Государя: сказали, что тебѣ ничего не будетъ, и что если я запрусь, то меня въ солдаты.... Я вспомнилъ бабушку.... и не смогъ.... Я тебя принесъ ей въ жертву. Что происходило во мнѣ въ эту минуту, не могу сказать, — но я увѣренъ, что ты меня понимаешь и прощаешь и находишь еще достойнымъ своей дружбы".../т. IV, 327. Такимъ образомъ, Лермонтовъ страдалъ вдвойнѣ: за себя и за друга, которому впоследствии оказывалъ необыкновенное вниманіе /Письма къ Раевск. 1837- 1838 г./.

Итакъ жизнь Лермонтова рѣзко измѣняется. По письмамъ изъ первой ссылки на Кавказъ нельзя составить опредѣленнаго представленія, какъ онъ переживалъ свое изгнаніе. Но по тону ихъ чувствуется, что поэтъ крѣпнетъ душою; нѣтъ прежняго унынія, чувствуется, какъ бы нѣкоторое примѣреніе съ-жизнію.

Такую перемѣну въ поэтѣ можно приписать вліянію новой обстановки жизни. Вдали отъ свѣта, на лонѣ Кавказкой природы, взлелѣявшей дѣтство

его, боевая жизнь, пришедшая по духу Лермонтову- любителю сильныхъ ощущенийъ, встрѣча съ новыми людьми - все это оказало на него вліяніе въ лучшую сторону.

Въ 1838 году Лермонтовъ пишетъ своему другу Раевскому: "Если ты поѣдешь на Кавказъ, то это я увѣренъ, принесетъ тебѣ много пользы физически и нравственно, ты вернешься поэтомъ, а не экономо-политическимъ мечтателемъ, что для души и для тѣла здоровѣе". /т. IV, стр. 333/.

А раньше этого въ письмахъ къ нему отъ конца 1837 г. онъ такъ описываетъ свою жизнь на Кавказѣ: "Съ тѣхъ поръ какъ выѣхалъ изъ Россіи, повѣришь ли, я находился до сихъ поръ въ непрерывномъ странствованіи; то на перекладной, то верхомъ; изъѣздишь линію всю вдаль, отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ Шуѣ, въ Кубѣ, въ Шемахѣ, въ Кахетіи, одѣтый по гречески, съ ружьемъ за плечами; ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское

Простудившись дорогой, я пріѣхалъ на воды весь въ ревматизмахъ; меня на рукахъ вынесли люди изъ повозки, я не могъ ходить, - въ мѣсяцъ меня воды совсѣмъ поправили; я никогда

не былъ такъ здоровъ.... "Здѣсь кромѣ войны, службъ нѣту; я пріѣхалъ въ отрядъ слишкомъ поздно, и я слышалъ только два, три выстрѣла; зато два раза въ моихъ путешествіяхъ отстрѣливался /при нападѣніи шайки лезгинъ/...."лазилъ на снѣговую гору /Крестовая/ на самый верхъ, что не совсѣмъ легко; отсюда видна половина Грузіи, какъ на блюдечкѣ и, право, я не берусь объяснить или описать этого удивительнаго чувства: для меня горный воздухъ - бальзамъ; хандра къ черту, сердце бьется, грудь высоко дышетъ - ничего не надо въ эту минуту; такъ сидѣлъ бы да смотрѣлъ цѣлую жизнь" /т. IV стр. 329-330/.

По всей вѣроятности къ этому времени надо отнести написанное Лермонтовымъ стихотвореніе:

"Молитва странника", о которомъ онъ говоритъ въ письмѣ къ Лопухиной отъ 1838 г., что оно было забыто имъ и найдено потомъ въ дорожныхъ бумагахъ. Уже это одно стихотвореніе говоритъ, какія чувства пробуждались тогда въ поэтѣ.

Странствуя самъ и подвергаясь опасностямъ, онъ не молитъ о своей защитѣ, но воспоминаетъ о дорогомъ сердцу образѣ и проситъ Матерь Божию дать ему и защитниковъ, полныхъ вниманія".

Горы Кавказкія, пріявшіе впоследствии въ свои нѣдра прахъ поэта, поднимали его на своихъ

могучихъ плечахъ, открывая необъятный горизонтъ мірозданія, отъ котораго мысль переносится къ его Виновнику и тѣмъ научали познавать Его и любить Его созданія. Кавказъ повліялъ и на интенсивность творчества Лермонтова; здѣсь были созданы и обработаны многія произведенія; его же онъ сдѣлалъ мѣстомъ дѣйствія многихъ своихъ героевъ.

II-го октября 1837-го года, по просьбамъ бабушки и ходатайству графа Бенкендорфа, Лермонтовъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ, стоявшій въ Новгородѣ. По ходатайству тѣхъ же лицъ, Высочайшимъ приказомъ отъ 9 апрѣля 1838 г. Лермонтовъ, наконецъ, переводится въ прежній лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ.

Итакъ, поэтъ снова появляется въ Петербургѣ и встрѣчаетъ въ обществѣ уже иное отношеніе къ себѣ, но только онъ самъ измѣнился. Узнавъ новую жизнь и новыхъ людей, Лермонтовъ на старомъ мѣстѣ, оставшимся прежнимъ, почувствовалъ себя одинокимъ. Прежняя скука овладѣваетъ имъ, и онъ мечтаетъ либо объ отставкѣ, либо снова уѣхать на ставшій роднымъ Кавказъ. Вотъ какъ описываетъ Лермонтовъ свое состояніе при новомъ появленіи въ Петербургѣ. Онъ пишетъ М. А. Лопухиной: "Надо вамъ сказать, что

я несчастнѣйшій человѣкъ; вы повѣрите мнѣ, когда узнаете, что я каждый день ѣзжу на балы. Я пустился въ большой свѣтъ. Въ теченіе мѣсяца на меня была мода, меня наперерывъ отбивали другъ отъ друга. Это, по крайней мѣрѣ, очевидно. Весь этотъ народъ, которому досталось отъ меня въ моихъ стихахъ, старается осипать меня лестью. Самыя хорошенькія женщины выпрашиваютъ у меня стиховъ и хвастаются ими, какъ триумфомъ. Тѣмъ не менѣе, я скучаю. Просился на Кавказъ — отказали, не ходятъ даже, чтобы меня убили.... "Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что я гоняюсь за удовольствіями, чтобы скучать, слоняюсь по гостиннымъ, когда тамъ нѣтъ ничего интереснаго. Ну, такъ я открою вамъ мои побужденія. Вы знаете, что самый мой большой недостатокъ это — тщеславіе и самолюбіе; было время, когда я, въ качествѣ новичка, искалъ доступа въ это общество; это мнѣ не удалось: двери аристократическихъ салоновъ закрылись предо мной, и теперь въ это же самое общество я вхожу уже не какъ искатель, а какъ человѣкъ, добившійся своихъ правъ. Я возбуждаю любопытство, предо мной заискиваютъ, меня всюду приглашаютъ, а я и вида не подаю, что хочу этого; дамы желающія,

чтобы въ ихъ салонахъ собирались замѣчательные люди, хотятъ, чтобы я бывалъ у нихъ, потому что вѣдь я тоже левъ, да! я, вашъ Мишель, добрый малый, у котораго все и не подозрѣвали гривы. Согласитесь, что все это можетъ опьянять; къ счастью, моя природная лѣнь беретъ верхъ, и мало-по-малу я начинаю находить все это несноснымъ. Эта новая опасность полезна въ томъ отношеніи, что дала мнѣ оружіе противъ общества: если оно будетъ преслѣдовать меня клеветой /а это переменнo случится/, у меня будетъ средство отомстить; нигдѣ вѣдь нѣтъ столько пошлаго и смѣшнаго, какъ тамъ /перев. съ франц. т. IV, 405 - 406/. О желаніи выйти въ отставку и заняться исключительно литературной дѣятельностью, т.е., снова вернуться на прежнее поприще, Лермонтовъ заявляетъ въ письмахъ къ своимъ друзьямъ: Раевскому и Лопухину, "да бабушка не хочетъ", пишетъ онъ послѣднему, "надо же ей чѣмъ нибудь пожертвовать. Признаюсь тебѣ я съ нѣкотораго времени упалъ духомъ" /т. IV, -335/.

Быть можетъ, предчувствіе роковаго шага повергало его въ уныніе. Время шло своимъ чередомъ и онъ незамѣтно предсталъ.

16 февраля 1840 г. у графини Лаваль состоялся

балъ, на которомъ у Лермонтова произошло столкновение съ г. де-Барантомъ, сыномъ французскаго посланника при русскомъ дворѣ. Оба обмѣнялись колкостями, но г. Барантъ почелъ себя оскорбленнымъ и сказалъ, что "еслибы онъ находился въ своемъ отечествѣ, то зналъ бы, какъ кончить это дѣло". Тогда Лермонтовъ отвѣтилъ, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ же строго, какъ и вездѣ, и что мы меньше другихъ позволяемъ оскорблять себя безнаказанно" /Письма къ Плаутину, т: IV, - 336/.

Состоялась дуэль; противники сначала скрестили шпаги, а потомъ обмѣнялись выстрѣлами, но до кровавой развязки дѣло не дошло / ibid / . Тѣмъ бы оно и обошлось, но противъ Лермонтова существовало раздраженіе въ высшихъ правительственныхъ кругахъ и поступку придали иное освѣщеніе. Слѣдствіемъ этого была вторая ссылка поэта на Кавказъ въ пѣхотный Тенгинскій полкъ, находившійся въ дѣйствующемъ отрядѣ ген.-лет. Голофѣева въ Чечнѣ. Изъ писемъ къ А.А. Лопухину видно, что Лермонтовъ принималъ участіе въ этой экспедиціи и за храброе дѣйствіе подъ Валерикомъ былъ представленъ къ наградѣ, которой, однако, не получилъ. Ему поручается командированіе отрядомъ охотниковъ, съ которыми онъ

собирался сдѣлать чудеса храбрости /т. IV, -339, то 340/.

Въ февралѣ 1841-го года, бабушка, хлопотавшая за о прощеніи внука, добилаь только того, что Лермонтову дали отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ для свиданія съ нею. /Письмо къ Д. С. Бибикову: т. IV, -341/.

Въ этотъ послѣдній приѣздъ, Лермонтовъ, по отзыву нѣкоторыхъ современниковъ, сильно измѣнился. Поэтический талантъ крѣпъ и сознательность сужденія сказывалась во всемъ яснѣе. Онъ нашелъ свой жизненный путь, понялъ свое назначеніе и зачѣмъ призванъ въ свѣтъ. Ему хотѣлось болѣе, чѣмъ когда либо выйти въ отставку и совершенно предаться литературной дѣятельности. "Тоска безпредметная..., говоритъ Висковатый - признакъ молодыхъ неуравновѣшенныхъ натуръ - рѣже его посѣщала. Онъ давалъ людямъ и обстоятельствамъ болѣе прочную оцѣнку и не искалъ удовольствія тамъ, гдѣ искать его было тщетно". /Соч. Л-ва т. IV, -370/.

Пробывъ немного въ Петербургѣ, Лермонтовъ попалъ подъ замѣчаніе начальства /за явку на балъ, гдѣ были лица изъ царской фамиліи/ и его поторопили съ отъѣздомъ на Кавказъ. "9 марта отсюда уѣзжаю заслуживать себѣ на Кавказѣ от-

ставку", писалъ онъ Д.С.Бибикову/т. IV, -341/.
Однако отъѣздъ его былъ нѣсколько продленъ,
за то онъ уже не вернулся назадъ. Не отъ зло-
дѣйской пули чеченца но отъ руки друга погибъ
"последній потомокъ отважныхъ бойцовъ".
15 іюля 1841 года Лермонтовъ былъ убитъ на
дуэли съ Мартыновымъ .

О П Е Ч А Т К И

Стр.	напечатано		Слѣдуетъ читать
6	отношеніяхъ	-	отношенія
"	женское и неженское	-	жестокое и нѣжное
8	и остановился	-	Не остановился
9	предотварить	-	предотвратить
"	на самой	-	изъ самой
11	носить. Только	-	носить только
14	плачь	-	плачь
"	несбывшимся	-	по несбывшимся
"	межь	-	межь
"	Дубравъ	-	дубравъ
16	тиха и прозрачна	-	тиха, прозрачна
17	снутренней	-	внутренней
"	поріодъ	-	періодъ
18	А для него	-	Я для него
20	Котларевскій	-	Котляревскій
23	предоставляется	-	представляется
"	крый	-	который
25	возспѣвать	-	воспѣвать
"	вдохнованья	-	вдохновенья
"	Для звуковъ	-	для звуковъ
26	Надо много	-	мной
28	заняла	-	чаяла
29	вчто	-	что

30	Ан. Григорьевъ	-	Ап. Григорьевъ
31	вторую	-	вторую
32	Лермонтова	-	Лермонтова
33	повѣшенное	-	повышенное
36	обрегалъ	-	оберегалъ
38	Вокругъ	-	Вдругъ
44	клала	-	клалъ
49	пропущено: Краткая характеристика нравст- венной личности поэта на основаніи ран- ней.....		
"	долинирующимъ	-	доминирующими
51	очерекъ	-	очеркъ
"	выкпить	-	выяснить
52	увеличеніе	-	увлеченіе
53	всею	-	всю
60	романтическія	-	романтические
61	Словою	-	Славою
63	неподѣльный	-	неподдѣльный
67	размыленій	-	размышлений
75	оправдываешь	-	оправдываетъ
78	предидущихъ	-	предъидущихъ
"	если въ демонъ	-	если бъ демонъ
79	туманномъ	-	туманныхъ
80	обоятельная	-	обаятельная
"	чертъ	-	чертъ

85	внoлнѣ	-	впoлнѣ
86	распада	-	разлада.
89	Птoмeтeя	-	Прoмeтeя.
92	пoэтoмѣ	-	пocтoмѣ
93	нe	-	вce
95	Вocтyпивѣ	-	Вcтyпивѣ

82	KNOWNS	KNOWNS
83	KNOWNS	KNOWNS
84	KNOWNS	KNOWNS
85	KNOWNS	KNOWNS
86	KNOWNS	KNOWNS
87	KNOWNS	KNOWNS
88	KNOWNS	KNOWNS

